

Л. АНДРЕЕВЪ.

ВЪ ТУМАНЪ.

БИБЛІОТЕКА
ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Складъ изданія: Софія, ул. 11 Августа 4. Російско-
Болгарское Книгоиздательство

IVAN MIRTSCHEFF
Stara-Zagora

M 2268692

Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

ВЪ ТУМАНЪ. (1902).

Въ тотъ день, съ самаго разсвѣта, на улицахъ стоялъ странный, неподвижный туманъ. Онъ былъ легокъ и прозраченъ, онъ не закрывалъ предметовъ, но все, что проходило сквозь него, окрашивалось въ тревожный, темно-желтый цвѣтъ; и свѣжій румянецъ женскихъ щекъ, яркія пятна ихъ нарядовъ проглядывали сквозь него, какъ сквозь черный вуаль, и темно и четко. Къ югу, гдѣ за пологомъ тучъ пряталось ноябрьское низкое солнце, небо было свѣтло, свѣтлѣе земли, а къ сѣверу оно спускалось широкой, ровно темнѣющей завѣсой и у самой земли становилось изжелта чернымъ и непрозрачнымъ, какъ ночью. На тяжеломъ фонѣ его темныя зданія казались свѣтло-сѣрыми, а двѣ бѣлыя колонны у входа въ какой-то садъ, опустошенный осенью, были какъ двѣ желтыя свѣчи надъ покойникомъ. И клумбы въ этомъ саду были взрыты и истоптаны грубыми ногами, и на сломанныхъ стебляхъ тихо умирали въ туманѣ запоздалые, болѣзненно-яркіе цвѣты.

И сколько ни было людей на улицахъ, всѣ торопились, и всѣ были сумрачны и молчаливы. Печаленъ и странно тревоженъ былъ этотъ призрачный день, задыхавшійся въ желтомъ туманѣ.

Въ столовой уже пробило двѣнадцать часовъ, потомъ коротко отбило половину перваго, а въ комнатѣ Павла Рыбакова было темно, какъ въ сумеркахъ, и на всемъ лежалъ отраженный, изчерна желтый отсвѣтъ. Отъ него желтѣли, какъ старая слоновая кость, тетради и бумаги, разбросанныя по столу, и неразрѣшенная алгебраическая задача на одной изъ нихъ, съ своими ясными цифрами и загадочными буквами смотрѣла такъ старо, такъ заброшено и ненужно, какъ будто много скучныхъ лѣтъ пронеслось надъ нею; желтѣло отъ него и лицо Павла, лежавшаго на кровати. Крѣпкія, молодыя руки его были закинута за голову и обнажились почти до локтя; раскрытая книжка, корешкомъ вверхъ, лежала на груди, и темные глаза упорно глядѣли въ лѣпной раскрашенный потолокъ. Въ пестротѣ и грязныхъ тонахъ его окраски было что-то скучное, надоѣдливое и безвкусное, напоминавшее о десяткахъ людей, которые жили въ этой квартирѣ до Рыбаковыхъ, спали, говорили, думали, дѣлали что-то свое — и на все наложили свою чуждую печать. И эти люди напомнили Павлу о сотняхъ другихъ людей, объ учителяхъ и товарищахъ, о шумныхъ и людныхъ улицахъ, по которымъ ходятъ женщины, и о томъ — самомъ для него тяжеломъ и страшномъ — о чемъ хочется забыть и не думать.

— Скучно... Скучно! протяжно говорить Павелъ, закрываетъ глаза и вытягивается такъ, что носки сапогъ касаются желѣзныхъ прутьевъ кровати. Углы густыхъ бровей его скосились, и все лицо передернула гримаса боли и отвращенія, странно

исказивъ и обезобразивъ его черты; когда морщины разгладились, видно стало, что лицо его молодо и красиво. И особенно красивы были смѣлыя очертанія пухлыхъ губъ, и то что надъ ними по-юношески не было усовъ, дѣлало ихъ чистыми и милыми, какъ у молоденькой дѣвушки.

Но лежать съ закрытыми глазами и видѣть въ темнотѣ закрытыхъ вѣкъ все то ужасное, о чемъ хочется забыть навсегда, было еще мучительнѣе, и глаза Павла съ силою открылись. Отъ ихъ растеряннаго блеска въ лицѣ его появилось что-то старческое и тревожное.

— Бѣдный я малый! Бѣдный я малый! — вслухъ пожалѣлъ онъ себя и повернулъ глаза къ окну, жадно ища свѣта. Но его нѣтъ, и желтый сумракъ настойчиво ползеть въ окна, разливаясь по комнатѣ, и такъ ясно ощутимъ, какъ будто его можно осязать пальцами. И снова передъ глазами развернулся въ высотѣ потолокъ.

Карнизъ потолка былъ лѣпной и изображалъ русское село: угломъ впередъ стояла хата, какихъ никогда не бываетъ въ дѣйствительности; рядомъ застылъ мужикъ съ приподнятой ногою и палка въ рукахъ была выше его; а онъ самъ былъ выше хаты; дальше кривилась малорослая церковь, а возлѣ нея выпирала впередъ огромная телѣга съ такой маленькой лошадыю, какъ будто это была не лошадь, а гончая собака. И морда у нея была острая, какъ у собаки. Потомъ опять въ томъ же порядкѣ: хата, большой мужикъ, церковь и огромная телѣга, и такъ кругомъ комнаты. И все это было желтое на грязно-розовомъ фонѣ, уродливое

и скучное, и напоминало не деревню, а чью-то печальную и лишённую смысла жизнь. Противеньъ былъ мастеръ, который лѣпилъ деревню и не далъ ей ни одного дерева.

— Хоть бы завтракать скорѣе! — прошепталъ Павелъ, хотя ему совершенно не хотѣлось ѣсть, и нетерпѣливо повернулся на бокъ. При движеніи книга свалилась на полъ, и листы ея подвернулись, но Павелъ не протянулъ руки, чтобы поднять ее. На корешкѣ золотымъ по черному было напечатано: «Бокль. Исторія цивилизаціи», и это напоминало о чемъ-то старомъ, о множествѣ людей, которые испоконъ вѣковъ хотятъ устроить свою жизнь и не могутъ; о жизни, въ которой все непонятно и совершается съ жестокой необходимостью, и о томъ печальномъ и давящемъ, какъ совершенное преступленіе, о чемъ не хотѣлъ думать Павелъ. И такъ захотѣлось свѣта, широкаго и яснаго, что даже заломило въ глазахъ. Павелъ вскочилъ, обошелъ валяющуюся книжку и началъ дергать драпри у окна, стараясь раздвинуть ихъ какъ можно шире.

— А, чортъ! — ругался онъ и отбрасывалъ матерію, но, тяжелая, она тупо падала назадъ прямыми и равнодушными складками. Внезапно уставъ и потерявъ всю энергію, Павелъ лѣниво отодвинулъ ее и сѣлъ на холодный подоконникъ.

Туманъ стоялъ, и небо за сѣрыми крышами было желточерное, и тѣнь отъ него падала на дома и мостовую. Недѣлю тому назадъ выпалъ первый непрочный снѣгъ, растаялъ, и съ тѣхъ поръ на мостовой лежала липкая и сѣрая грязь. Мѣстами мокрые камни отражали черное небо и блестяли косымъ и

темнымъ блескомъ, и по нимъ, вздрагивая и колыхаясь катились экипажи. Грохота поверху не было слышно, — онъ замиралъ въ туманѣ, безсильный подняться надъ землею, и это безшумное движеніе, подъ чернымъ небомъ, среди темныхъ, промокшихъ домовъ казалось безцѣльнымъ и скучнымъ. Но среди идущихъ и ѣдущихъ были женщины, и ихъ присутствіе давало картинѣ сокровенный и тревожный смыслъ. Онѣ шли по какому-то своему дѣлу, и были, казалось, такія обыкновенныя и незамѣтныя; но Павелъ видѣлъ ихъ странную и страшную обособленность: онѣ были чужды всей остальной толпѣ и не растворялись въ ней, но были, какъ огоньки среди тьмы. И все было для нихъ: улицы, дома и люди, и все стремилось къ нимъ, жаждало ихъ — и не понимало. Слово «женщина» было огненными буквами выжжено въ мозгу Павла; онъ первымъ видѣлъ его на каждой развернутой страницѣ; люди говорили тихо, но, когда встрѣчалось слово «женщина», они какъ будто выкрикивали его, — и это было для Павла самое непонятное, самое фантастическое и страшное слово. Острымъ и подозрительнымъ взглядомъ онъ прослѣживалъ каждую изъ женщинъ и смотрѣлъ такъ, будто она вотъ сейчасъ подойдетъ къ дому и взорветъ его со всеми людьми или сдѣлаетъ что-нибудь еще болѣе ужасное. Но когда онъ случайно наткнулся взоромъ на хорошенькое женское личико, онъ весь подтянулся, сдѣлалъ красивое и привлекательное лицо и приказалъ глазами, чтобы она обернулась, взглянула на него. Но она не обернулась, и опять въ груди

стало пусто, темно и страшно, какъ въ вымершемъ домѣ, сквозь который прошла угрюмая чума, убила все живое и досками заколотила окна.

— Ску-учно! — протяжно сказалъ Павелъ и отвернулся отъ улицы. Въ столовой, рядомъ, давно уже ходили, разговаривали и стучали посудой. Потомъ все затихло и послышался хозяйскій голосъ Сергѣя Андреича, отца Павла, горловой, снисходительный басокъ. При первыхъ его округлыхъ и пріятныхъ звукахъ будто пахнуло хорошими сигарами, умной книгой и чистымъ бѣльемъ. Но теперь въ немъ было что-то надтреснутое и покоробленное, — словно и въ гортань Сергѣя Андреича проникъ грязно-желтый, скучный туманъ.

— А юноша нашъ еще изволятъ поживать?

Отвѣта матери Павелъ не слышалъ.

— И къ обѣднѣ въ училище, конечно, ходить не изволили?

Отвѣта опять не было слышно.

— Ну, конечно, продолжалъ отецъ съ насмѣшкою, — обычай устарѣлый и...

Окончанія фразы Павелъ не слышалъ, такъ какъ Сергѣй Андреичъ повернулся; но было сказано, вѣроятно, что-нибудь смѣшное, и Лиля звонко захохотала. Когда отецъ Павла имѣлъ противъ него какое нибудь тайное неудовольствіе, онъ бранилъ его за то, что въ праздники онъ поздно встаетъ и не ходитъ къ обѣднѣ, хотя самъ къ религии былъ совершенно равнодушенъ и не былъ въ церкви около двадцати лѣтъ — съ тѣхъ поръ, какъ женился. И съ самага лѣта, когда они жили на дачѣ, онъ имѣлъ что-то противъ Павла, и тотъ думалъ, что онъ догадывается. Но теперь упрямо рѣшилъ:

— Пусть его!

Взявъ со стола тетрадку, онъ сдѣлалъ видъ, что читаетъ. Но глаза его враждебно и осторожно были направлены къ столовой, какъ у человѣка, который привыкъ скрываться и постоянно ждетъ нападенія.

— Позовите Павла! — сказалъ Сергѣй Андреичъ.

— Павелъ! Павлуша! — позвала мать.

Павелъ быстро всталъ, а вѣроятно, сдѣлалъ себѣ очень больно: онъ перегнулся, лицо его оказалось гримасой страданія, и руки судорожно прижались къ животу. Медленно онъ выпрямился, стиснувъ зубы, отчего углы рта притянулись къ подбородку, и дрожащими руками оправилъ куртку. Потомъ лицо его поблѣднѣло и потеряло всякое выраженіе, какъ у слѣпого, и онъ вышелъ въ столовую, шагая рѣшительно, но сохраняя въ походкѣ слѣды испытанной жестокой боли.

Что дѣлалъ? — коротко спросилъ Сергѣй Андреичъ: у нихъ непринято было здороваться по утрамъ.

— Читалъ, — такъ же коротко отвѣтилъ Павелъ.

— Что?

— Бокля.

— То-то, Бокля! — сказалъ Сергѣй Андреичъ, съ угрозою, черезъ пенснѣ, глядя на сына.

— А что? — рѣшительно и вызывающе отвѣтилъ Павелъ и посмотрѣвъ отцу прямо въ глаза. Тотъ помолчалъ и многозначительно бросилъ:

— Ничего.

Тутъ вмѣшалась Лилечка, которой стало жаль брата;

— Павля, ты вечеромъ будешь дома?

Павель молчалъ.

— Кто не отвѣчаетъ, когда его спрашиваютъ, тотъ обыкновенно называется невѣжей. Какъ ваше мнѣніе на этотъ счетъ, Павель Сергѣевичъ? — спросилъ отецъ.

— Охота тебѣ, Сергѣй Андреичъ! — вмѣшалась мать. — Ышь, а то котлеты остынутъ. Какая ужасная погода, хоть огни зажигай! И не знаю, какъ я поѣду.

— Буду... отвѣтилъ Павель Лилечкѣ, а Сергѣй Андреичъ поправилъ пенснэ и сказалъ:

— Меланхолии этой я не выношу, міровой скорби.. Порядочный мальчикъ долженъ быть бодръ и веселъ.

— Нельзя, чтобы всегда было весело, — отвѣтила Лилечка, которой всегда было весело.

— Я не требую, чтобы люди насильно веселились. Ты отчего не ѣшь? Тебя спрашиваю, Павель!

— Не хочу.

— Отчего не хочешь?

— Аппетита нѣтъ.

— А вчера гдѣ вечеромъ былъ? Шатался?

— Дома былъ.

— То-то дома!

— А гдѣ же быть? — дерзко спросилъ Павель. Сергѣй Андреичъ отвѣтилъ съ ядовитою вѣжливостью:

— Откуда же мнѣ знать всѣ мѣста, — онъ подчеркнулъ слово „мѣста“, — которыя изволить

посѣщать Павелъ Сергѣевичъ? Павелъ Сергѣевичъ взрослый: у Павла Сергѣевича скоро усы вырастутъ; Павелъ Сергѣевичъ, можетъ, и водку пьетъ, почему я знаю?

Завтракъ продолжался молча, и все, на что падалъ свѣтъ изъ окна, казалось желтымъ и странно угрюмымъ. Сергѣй Андреичъ внимательно и испытующе глядѣлъ въ лицо Павла и думалъ: «И подъ глазами круги.. Но неужели это правда, и онъ близокъ съ женщинами — такой мальчишка?»

Этотъ страшный и мучительный вопросъ, продумать который до конца у Сергѣя Андреича не хватаетъ силы, явился недавно, лѣтомъ, и онъ живо помнитъ, какъ это произошло, и никогда не забудетъ. За маленькимъ сарайчикомъ, гдѣ была густая трава, и бѣлая березка бросала прохладную синюю тѣнь, онъ случайно увидѣлъ надорванный и скомканный листокъ бумаги. Было въ этомъ листкѣ что-то особенное и тревожное: такъ рвутъ и комкаютъ бумаги, которыя возбуждаютъ ненависть и гнѣвъ, и Сергѣй Андреичъ поднялъ ее, расправилъ и посмотрѣлъ. Это былъ рисунокъ. Сперва онъ не понялъ, улыбнулся и подумалъ: „Это Павловъ рисунокъ! Славно онъ рисуетъ!“ Потомъ повернулъ бумагу бокомъ и ясно различилъ безобразно циничную и грязную картинку.

— Что за гадость! — сказалъ онъ сеордито и бросилъ бумажку. Минуть черезъ десять онъ вернулся за нею, понесъ ее къ себѣ въ кабинетъ и долго разсматривалъ, стараясь рѣшить ѣдкую и мучительную загадку: рисовалъ ли это Павелъ или кто-нибудь другой? Онъ не могъ допустить, чтобы такую грязную, пошлую вещь могъ нарисовать Павелъ и, рисуя, знать все то развратное и мерзкое, что

въ ней было. Въ смѣлости линій видна была опытная и развращенная рука, безъ колебаній подхлывшая къ самому сокровенному, о чемъ неиспорченнымъ людямъ стыдно думать; въ старательности, съ какой рисунокъ исправлялся резинкой и подцвѣчивался краснымъ карандашомъ, была наивность глубокаго и безсознательнаго паденія. Сергѣй Андреичъ смотрѣлъ и не вѣрилъ, чтобы его Павелъ, его умный и развитой мальчикъ, всѣ мысли котораго онъ знаетъ, могъ своею рукою, загорѣлою рукою крѣпкаго и чистаго юноши рисовать такую гадость и знать и понимать все то, что онъ рисуетъ. И такъ какъ очень было страшно думать, что это сдѣлалъ Павелъ, то рѣшилъ, что это кто-нибудь другой; но бумажку спряталъ. И когда увидѣлъ Павла, соскочившаго съ велосипеда, веселаго, живого, еще полнаго чистымъ запахомъ полей, по которымъ онъ носился, онъ еще разъ рѣшилъ, что это не Павелъ сдѣлалъ, и обрадовался.

Но радость скоро прошла, и уже черезъ полчаса Сергѣй Андреичъ смотрѣлъ на Павла и думалъ: кто этотъ чужой и незнакомый юноша, странно высокій, странно похожій на мужчину? Онъ говоритъ грубымъ и мужественнымъ голосомъ, много и жадно ѣстъ, спокойно и независимо наливаетъ въ стаканъ вино и покровительственно шутить съ Лилей. Онъ называется Павломъ, и лицу у него Павла, и смѣхъ у него Павла, и когда онъ обгрызъ сейчасъ верхнюю корку хлѣба, то обгрызъ ее, какъ Павелъ, — но Павла въ немъ нѣтъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ, Павелъ? — спросилъ Сергѣй Андреичъ. Павелъ засмѣялся.

— Старикъ уже я, папаша! Скоро восемнадцать.

— Ну, далеко еще до восемнадцати, — поправила мать: — еще только 6-го декабря будетъ восемнадцать,

— А усовъ нѣтъ! — сказала Лиля. И всѣ стали шутить, что у Павла нѣтъ усовъ, и онъ притворялся, что плачетъ; а послѣ обѣда налѣпилъ на губу ваты и говорилъ старческимъ голосомъ:

— А гдѣ моя старуха?

И ходилъ какъ разслабленный. И тутъ еще Лиля замѣтила, что Павелъ что-то особенно веселъ; послѣ чего Павелъ нахмурился, снялъ усы и ушелъ въ свою комнату. И съ тѣхъ поръ Сергѣй Андреичъ искалъ прежняго милаго, хорошо знакомаго мальчика, натыкался на что-то новое и загадочное и мучительно недоумѣвалъ.

И еще новое узналъ онъ тогда въ Павлѣ: то, что сынъ его постоянно переживаетъ какія-то настроенія: одинъ день бываетъ веселъ и шаловливъ, а то по цѣлымъ часамъ хмурится, становится раздражителенъ и несносенъ, и, хоть и сдерживается, но видно, что страдаетъ отъ какихъ-то невѣдомыхъ причинъ. И было очень тяжело и непріятно видѣть, что близкій человѣкъ печаленъ, и не знать причинъ, и отъ этого близкій человѣкъ становился далекимъ и чужимъ. Уже по одному тому, какъ входилъ Павелъ, какъ онъ безъ аппетита пилъ чай, крошилъ пальцами хлѣбъ, а самъ смотрѣлъ въ сторону, на сосѣдній лѣсъ, — отецъ чувствовалъ его дурное настроеніе и возмущался. И ему хотѣлось чтобы Павелъ замѣтилъ это и понялъ, какую непріятность дѣлаетъ онъ отцу своимъ дурнымъ настроеніемъ; но Павелъ не замѣчалъ и, кончивъ чай, уходилъ.

— Куда ты? — спрашивалъ Сергѣй Андреичъ.

— Въ лѣсъ.

— Опять въ лѣсъ! — сердито замѣчалъ отецъ.

Павелъ слегка удивлялся.

— А что? Вѣдь я каждый день въ лѣсъ хожу.

Отецъ молча отвертывался, а Павелъ уходилъ и по его широкой, спокойно колышущейся спинѣ видно было, что онъ даже не задумался о томъ, почему сердится отецъ, и совсѣмъ забылъ о его существованіи.

И уже давно Сергѣй Андреичъ хотѣлъ рѣшительно и откровенно поговорить съ Павломъ, но слишкомъ мучителенъ былъ предстоящій разговоръ, и онъ откладывалъ его со дня на день. А съ перѣездомъ въ городъ Павелъ сталъ особенно мраченъ и нервенъ, и Сергѣй Андреичъ боялся за себя, что не сумѣетъ говорить достаточно спокойно и внушительно. Но въ этотъ день, за долгимъ и скучнымъ завтракомъ, рѣшилъ, что сегодня же поговорить. «Быть можетъ, онъ просто влюбленъ, какъ влюблены бываютъ всѣ эти мальчишки и дѣвчонки», успокаивалъ онъ себя. «Вонъ и Лилька влюблена въ какого-то Авдѣева; а я и не помню, какой онъ. Кажется, гимназистъ».

— Лиля! Авдѣевъ сегодня будетъ? — спросилъ Сергѣй Андреичъ съ усиленнымъ подчеркнутымъ равнодушіемъ.

Лиля испуганно взмахнула длинными рѣсницами, выронила изъ рукъ грушу и прошептала:

— Ахъ!..

Потомъ полѣзла подъ столъ за грушей и, когда вернулась оттуда, то была вся красная; и даже голосъ ея былъ какъ будто красный.

— Тиновъ будетъ, Поспѣловъ будетъ. и Авдѣевъ тоже будетъ.

Въ комнатѣ Павла стало немного свѣтлѣе, и лѣпная деревня на потолкѣ выступила рѣзче и глядѣла съ тупымъ и наивнымъ самодовольствомъ. Павелъ сердито отвернулся и взялъ книжку, но скоро положилъ ее къ себѣ на грудь и сталъ думать о томъ, что сказала Лиличка: гимназистки придутъ. Это значитъ, что придетъ и Катя Реймеръ — всегда серьезная, всегда задумчивая, всегда искренняя Катя Реймеръ. Эта мысль была какъ огонь, на который упало его сердце, и со стономъ онъ быстро повернулся и уткнулся лицомъ въ подушку. Потомъ, такъ же быстро принявъ прежнее положеніе, онъ сдернулъ съ глазъ двѣ ѣдкія слезинки и уставился въ потолокъ, но уже не видѣлъ ни большого мужика съ большой палкой, ни огромной телѣги. Онъ вспомнилъ дачу и темную июльскую ночь.

Темная была эта ночь, и звѣзды дрожали въ синей безднѣ неба, и снизу гасила ихъ, подымаясь изъ-за горизонта, черная туча. И въ лѣсу, гдѣ онъ лежалъ за кустами, было такъ темно, что онъ не видѣлъ своей руки, и порой ему чудилось, что и самого его нѣтъ, а есть только молчаливая и глухая тьма. Далеко во всѣ стороны разстилался міръ, и былъ онъ безконечный и темный, и всѣмъ одинокимъ и скорбнымъ сердцемъ чувствовалъ Павелъ его неизмѣримую и чуждую громаду. Онъ лежалъ и ждалъ, когда по тропинкѣ пройдетъ Катя Реймеръ съ Лилечкой и другими веселыми и беззаботными людьми, которые живутъ въ томъ чуждомъ для

него миръ и чужды для него. Онъ не пошелъ съ ними, такъ какъ любилъ Катю Реймеръ чистой, красивой и печальной любовью, и она не знала объ этой любви и никогда не могла раздѣлить ее. И ему хотѣлось быть одному и возлѣ Кати, чтобы глубже почувствовать ея далекую прелесть и всю глубину своего горя и одиночества. И онъ лежалъ въ кустахъ, на землѣ, чужой всѣмъ людямъ и посторонній для жизни, которая со всею своею красотою, пѣснями и радостью проходила мимо него, — проходила въ эту июльскую темную ночь.

Онъ долго лежалъ, и тьма стала гуще и чернѣе, когда далеко впереди послышались голоса, смѣхъ, хрустѣніе сучковъ подъ ногами, и ясно стало, что идетъ много молодого и веселаго народа. И все это надвигалось толпою веселыхъ звуковъ и стало совсѣмъ близко.

— Охъ, бабушки! — говорила Катя Реймеръ густымъ и звучнымъ контральто: — да тутъ голу расшибешь. Тиновъ, свѣтите!

Изъ тьмы пропицалъ странный и смѣшной голосъ полишинеля:

— Спички потерялъ, Катерина Эдуардовна!

Среди смѣха прозвучалъ другой голосъ, молодой и сдержанный басъ:

— Позвольте, Катерина Эдуардовна, я посвѣчу.

Катя Реймеръ отвѣтила, и голосъ ея былъ серьезный и измѣнившійся:

— Пожалуйста, Николай Петровичъ!

Спичка сверкнула и секунду горѣла яркимъ, бѣлымъ свѣтомъ, выдѣляя изъ мрака только державшую ее руку, какъ будто послѣдняя висѣла въ

воздухъ. Потомъ стало еще темнѣе, и всѣ со смѣхомъ и шутками двинулись впередъ.

— Давайте вашу руку, Катерина Эдуардовна — прозвучалъ тотъ же молодой сдержанный басъ. Минута тишины, пока Катя Реймеръ давала свою руку, и затѣмъ твердые мужскіе шаги и рядомъ съ ними скромный шелестъ платья. И тотъ же голосъ тихо и нѣжно спросилъ:

— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна?

Отвѣта Павелъ не слышалъ. Идущіе повернулись къ нему спиною; голоса сразу стали глуше, вспыхнули еще разъ, какъ умирающее пламя костра и потухли. И когда казалось, что ничего уже нѣтъ, кромѣ глухого мрака и молчанія, съ неожиданной звонкостью прозвучалъ женскій смѣхъ, такой ясный, невинный и странно лукавый, какъ будто засмѣялся не человекъ, а молодая темная береза или кто-то причесавшійся въ ея вѣтвяхъ. И точно разбѣгающійся шопотъ шмыгнулъ по лѣсу, и все выжидающе смолкло, — когда мужской голосъ, какъ золото, мягкій, блестящій и звонкій, запѣлъ высоко и страстно:

. . . Ты мнѣ сказала: да — я люблю тебя!..

Такъ ослѣпительно ярокъ, такъ полонъ живой силы былъ этотъ голосъ, что зашевелился, казалось, лѣсъ, и что-то сверкающее, какъ свѣтляки въ пляскѣ, мелькнуло въ глазахъ Павла. И снова тѣ же слова, и звенѣли они слитно, какъ стонъ, какъ крикъ, какъ глубокой нераздѣлимый вздохъ:

. . . Ты мнѣ сказала: да — я люблю тебя!.,

И еще, и еще, съ безумной настойчивостью, повторялъ пѣвецъ все ту же короткую и долгую

М 2268692

фразу, точно вонзалъ ее во тьму. Казалось, онъ не могъ остановиться; и съ каждыиъ повтореніемъ жгучій призывъ становился сильнѣе и неудержимѣе; уже безпощадность звучала въ немъ — блѣднѣло чье-то лицо — и счастье такъ похоже становилось на смертельную тоску.

Минута чернаго молчанія — далекій, тихо сверкающій, загадочный, какъ зарница, женскій смѣхъ, — и стихло все, и тяжелая тьма словно придавила идущихъ. Стало мертвенно тихо и пусто, какъ въ пустомъ пространствѣ, на тысячу верстъ надъ землей. Жизнь прошла мимо со всѣми ея пѣснями, любовью и красотой, — прошла въ эту июльскую темную ночь.

Павель поднялся изъ-за кустовъ о тихо прошепталъ:

— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна? — и тихія слезы навернулись на его глазахъ.

— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна? — повторялъ онъ и безъ цѣли шель впередъ, во тьму крѣпчавшей ночи. Разъ онъ совсѣмъ близко коснулся дерева и остановился въ недумѣніи. Потомъ обвилъ шершавый стволъ рукою, прижался къ нему лицомъ, какъ къ другу, и замеръ въ тихомъ отчаяніи, которому не дано слезъ и бѣшенаго крика. Потомъ тихо отшатнулся отъ дерева, которое его пріютило, и пошелъ дальше.

— Отчего вы такъ грустны, Катерина Эдуардовна? — повторялъ онъ, какъ жалобную пѣсню, какъ тихую молитву отчаянія, и вся душа его билась и плакала въ этихъ звукахъ. Грозный сумракъ

охватывалъ ее, и, полная великой любви, она молилась о чемъ-то свѣтломъ, чего не знала сама, и оттого такъ горяча была ея молитва.

Уже не было въ лѣсу покоя и тишины: дыханіе бури колыхнуло воздухъ, и сдержанно зарокотали вершины, и сухимъ смѣшкомъ побѣжалъ по листьямъ вѣтеръ. Когда Павелъ вышелъ на опушку, вѣтеръ чуть не сорвалъ съ него шапку и властно ударилъ его въ лицо холодомъ, свѣжестью и запахомъ ржи. Было величественно и грозно. Сзади черной и глухо стонущей массой вздымался лѣсъ, а впереди тяжелая и черная, какъ мракъ, принявшій формы, надвигалась грозовая туча. И подъ нею разстилалось поле ржи, и было оно совсѣмъ бѣлое, и оттого, что оно было такое бѣлое среди тьмы, когда ни откуда не падало свѣта, рождался непонятный и мистическій страхъ. А когда вспыхивала молнія и облака вырисовывались тонкой встревоженной грудю тѣней, на полѣ отъ края до края ложился широкій золотистокрасный огонь, и колосья бѣжали, склонивъ головы, какъ испуганное стадо, — бѣжали въ эту июльскую грозную ночь.

Павелъ поднялся на высокой валь, распростеръ руки и точно звалъ къ себѣ на грудь и вѣтеръ, и черную тучу, и все небо, такое прекрасное въ своемъ огненномъ гнѣвѣ, И вѣтеръ кружился по его лицу, точно ощупывая его, и со свистомъ врывался въ гущу податливыхъ листьевъ; а туча вспыхивала и грохотала, и, низко склонившись, бѣжали колосья.

— Ну, иди! иди! — кричалъ Павелъ, а вѣтеръ подхватывалъ его слова и свирѣпо втискивалъ

ихъ обратно въ его горло, и среди грохота неба не слышно было этихъ мятежныхъ и молитвенныхъ словъ, съ которыми маленькій человѣкъ обращался къ великому неизвѣстному.

Это было лѣтомъ, въ июльскую темную ночь.

Павель глядѣлъ въ потолокъ, улыбался умиленною и гордою улыбкой, и на глазахъ его выступили слезы. «Какой я сталъ плакса!» — прошепталъ онъ, качая головой, и наивно, по-дѣтски вытеръ пальцами глаза. Съ надеждою обернулся онъ къ окнамъ, но оттуда угрюмо и скучно смотрѣлъ грязный городской туманъ, и все было отъ него желтое: потолокъ, стѣны и измятая подушка. И вспугнутые имъ чистые образы прошлаго заколыхались, посѣрѣли и провалились куда-то въ черную яму, толкаясь и стеная.

— Отчего вы такъ грустны? — говорилъ Павель, какъ заклинаніе, какъ мольбу о пощадѣ; но бессильна она была передъ новыми, еще смутными, но уже знакомыми и страшными образами. Какъ гнилой туманъ надъ ржавымъ болотомъ, поднимались они изъ этой черной ямы, и разбуженная память влотно вызывала все новыя и новыя картины.

— Не хочу! Не хочу! — шепталъ Павель и метался и корчился отъ боли.

Опять дачу увидѣлъ онъ, но теперь былъ день — странный, нехорошій и жуткій. Было знойно и солнце свѣтило, и пахло откуда-то тревожной парью; а онъ прятался въ прибрежныхъ кустахъ и, дрожа отъ страха, смотрѣлъ въ бинокль, какъ купаются женщины. И ярко-розовыя пятна ихъ тѣлъ увидѣлъ онъ, и голубое небо, казавшееся краснымъ,

и себя, блѣднаго, съ трясущимися руками и испачканными въ землѣ колѣнами. Потомъ каменный городъ увидѣлъ онъ и снова женщинъ, равнодушныхъ, усталыхъ, съ наглыми и холодными глазами. Въ глубину прошлаго уходила вереница ихъ раскрашенныхъ и блѣдныхъ лицъ, и мелькали среди нихъ усатыя мужскія фізіономіи, бутылки пива и недопитые стаканы, и въ какомъ то чаду кружились танцующія освѣщенныя тѣни, и назойливо брнчалъ рояль, выбрасывая тоскливые, назойливые звуки польки.

— Не хочу! — тихо, уже сдаваясь, шепталъ Павелъ.

А воспоминанія врѣзались въ его душу, какъ острый ножъ въ живое мясо. И все были женщины, ихъ тѣла, лишеныя души, отвратительныя, какъ липкая грязь заднихъ дворовъ, и странно обаятельныя въ своей нескрываемой грязи и доступности. И всюду онѣ были. Онѣ были въ циничныхъ, ѣдкихъ, какъ купоросъ, разговорахъ и бессмысленныхъ анекдотахъ, которые онъ слышалъ отъ другихъ и самъ рассказывалъ такъ мастерски; онѣ были въ рисункахъ, которые онъ рисовалъ и показывалъ со смѣхомъ товарищамъ; онѣ были въ одинокихъ мысляхъ и сновидѣніяхъ, тяжелыхъ, какъ кошмаръ, и притягательныхъ, какъ онъ.

И какъ живая, какъ то, что никогда не можетъ быть забыто, встала передъ нимъ ночь — угарная, чадная ночь. Въ эту ночь, два года тому назадъ, онъ отдалъ свое чистое тѣло и свои первые чистые поцѣлуи развратной и безстыдной женщинѣ. Ее звали Луиза; она была одѣта въ гусарскій ко-

стюмъ и постоянно жаловалась, что у нея лопаются рейтузы. Павелъ почти не помнитъ, какъ онъ былъ съ нею, и помнитъ хорошо только свой домъ, куда онъ вернулся поздно, не задолго до разсвѣта. Домъ былъ темень и тихъ; въ столовой стоялъ приготовленный для него ужинъ, и толстая котлета была покрыта слоемъ бѣлаго застывшаго жира. Отъ пива его мучила тошнота, и когда онъ легъ, лѣпной потолокъ, скудно озаренный свѣчей, заколыхался, за-вертѣлся и поплылъ. Онъ нѣсколько разъ выходилъ пошатываясь, стараясь не шумѣть и цѣпляясь за стулья, и полъ подъ непривычными босыми ногами былъ страшно холодный и скользкій, и отъ этого необычнаго холода становилось особенно ясно, что давно уже ночь, и всѣ тихо спать, а онъ одинъ ходитъ и мучается болью, чуждою всему этому чистому и хорошему дому.

Павелъ съ ненавистью оглядѣлъ свою комнату и противный лѣпной потолокъ и, покорный передъ нахлынувшими воспоминаніями, отдался ихъ страшной власти.

Онъ вспомнилъ Петрова, красиваго и самоу-вѣреннаго юношу, который совершенно спокойно и безъ страсти говорилъ о продажныхъ женщинахъ и училъ товарищей:

— Я никогда не позволяю себѣ цѣловать продажную женщину. Цѣловать можно только тѣхъ, кого любишь и уважаешь, но не эту дрянъ.

— А если она тебя цѣлуетъ? — спрашивалъ Павелъ.

— Пусть! . . . Я отвертываюсь.

Павель горько и печально улынулся. Онъ не умѣлъ поступать такъ, какъ Петровъ, и цѣловалъ этихъ женщинъ. Его губы касались ихъ холоднаго тѣла, и было однажды, — и это страшно вспомнить, — онъ со страннымъ вызовомъ самому себѣ, цѣловалъ вялую руку, пахнувшую духами и пивомъ. Онъ цѣловалъ, точно губы его могли произвести чудо и превратить продажную женщину въ чистую, прекрасную, достойную великой любви, жаждою которой сгорало его сердце. А она сказала:

— Какой вы лизунъ!

И отъ нея онъ заболѣлъ. Заболѣлъ постыдною и грязною болѣзнию, о которой люди говорятъ тайкомъ, глумливымъ шопотомъ, прячась за закрытыми дверьми, болѣзнию, о которой нельзя подумать безъ ужаса и отвращенія къ себѣ.

Павель вскочилъ съ постели и подошелъ къ столу, Тамъ онъ передвигалъ бумаги, тетради, раскрывалъ ихъ, опять закрывалъ, и руки его дрожали. А глаза его бокомъ, напряженно, вглядывались въ то мѣсто стола, гдѣ заперты были и сверху тщательно заложены бумагами принадлежности для лѣченія.

«Если бы у меня былъ револьверъ, я сейчасъ же застрѣлился бы. Вотъ въ это мѣсто...» — подумалъ онъ и приложилъ палецъ къ лѣвому боку, гдѣ билось сердце.

И сосредоточенно глядя передъ собой, думая о томъ, у кого изъ товарищей можно достать оружіе, онъ дошелъ до измятой постели и легъ. Потомъ онъ задумался о томъ, сумѣетъ ли онъ попасть въ сердце, и, раскрывъ куртку и рубашку, сталъ съ интересомъ разглядывать молодую, еще неокрѣпшую грудь.

— Павелъ, отвори! — услыхаль онъ за дверью голосъ Лилечки.

Испуганно вздрогнувъ, такъ какъ онъ пугался теперь всякаго неожиданнаго звука, и крика, Павелъ быстро оправился и нехотя открылъ задвижку.

— Чего тебѣ? — хмуро спросиль онъ.

— Такъ, поцѣловать тебя. Зачѣмъ ты постоянно запираешься? Боишься что украдутъ?

Павелъ легъ на постель, и Лилечка, сдѣлавъ безуспѣшную попытку присѣсть около него сказала:

— Подвинься! Какой злой: не хочетъ сестренкѣ мѣста дать.

Павелъ молча подвинулся.

— А мнѣ сегодня скучно, — сказала Лилечка: — такъ, что-то нехорошо. Должно быть, отъ погоды: я люблю солнце, а это такая гадость. Кусаться отъ злости хочется.

И осторожно глядя его по стриженной и колючей головѣ, она заглянула ему нѣжно въ глаза и спросила:

— Павля! отчего ты сталъ такой грустный?

Павелъ отвелъ глаза и бросиль сумрачный отвѣтъ:

— Я никогда веселый и не былъ.

— Нѣтъ, Павля, вѣдь я же знаю. Это ты съ тѣхъ поръ, какъ мы съ дачи переѣхали. Отъ всѣхъ прячешься, никогда не посмѣешься. Танцовать пересталь.

— Глупое занятіе...

— А прежде танцоваль? Ты хорошо мазурку танцуешь, лучше всѣхъ; но и остальное тоже хорошо. Павля, скажи, отчего это, а? Скажи, голубчикъ, милый, славный, хорошій!

И она поцѣловала его въ щеку, около покраснѣвшаго уха.

— Не трогай меня!.. Отойди!.. — и поведя плечами тихо добавилъ: — я грязный!..

Лилечка засмѣялась и щекоча за ухомъ, сказала:

— Ты чистенькій, Павля! Помнишь, какъ мы съ тобою вмѣстѣ въ ваннѣ купались? Ты былъ бѣленькій, какъ поросеночекъ, такой чистенькій, чисте-е-нкій!

Отойди, Лилечка! Пожалуйста! Ради Бога!..

— Не отойду, пока ты не станешь веселый. У тебя около уха маленькія бачки. Я сейчасъ только увидѣла. Дай, я поцѣлую ихъ!

— Отойди, Лиля! Не трогай меня! Говорю я тебѣ, — глухо говорилъ Павелъ, пряча лицо: — я гря... грязный... грязный... Грязный!.. — тяжело выдохнулъ онъ мучительное слово и весь, съ головы до ногъ, содрогнулся отъ мгновенно пронесшагося и сдержаннаго рыданія.

— Что съ тобою, Павля, родной? — испугалась Лилечка. — Хочешь, я папу позову?

Павелъ глухо, но спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не надо. Ничего со мною. Голова немного болитъ.

Лилечка недовѣрчиво и нѣжно гладила стриженный и крутой затылокъ и задумчиво смотрѣла на него. Потомъ сказала безразличнымъ тономъ:

А вчера о тебѣ Катя Реймеръ спрашивала.

Послѣ нѣкотораго молчанія Павелъ, не обертываясь, спросилъ:

— Что спрашивала?

— Да такъ вообще: какъ ты живешь, что дѣ-

лаешь, почему никогда не придешь къ нимъ. Вѣдь они тебя звали?

— Очень ей нужно...

— Нѣтъ, Павля, не говори! Ты ее не знаешь. Она очень умная и развитая, и интересуется тобою. Ты думаешь, она только танцы любитъ; а она много читаетъ и кружокъ для чтенія хочетъ устроить. Она постоянно говоритъ мнѣ: «Какой умной твой братъ».

— Она кокетка.. и дрянь.

Леличка вспыхнула, гнѣвно оттолкнула Павла и встала.

— Самъ ты дурной, если такъ говоришь.

— Дурной? Да. Что же изъ этого? — вызывающе сказалъ Павелъ, злыми и блестящими глазами глядя на сестру.

— То, что не смѣешь такъ говорить! Не смѣешь! — крикнула Лилечка вся красная, съ такими же злыми и блестящими глазами.

— Нѣтъ, вѣдь я дурной! — настаивалъ Павелъ.

— Грубый, несносный, всѣмъ отравляешь жизнь... Эгоистъ.

— А она дрянь, твоя Катя... Катя. И всѣ вы дрянь, шушера!

У Лилечки сверкнули слезы. Взявшись за ручку двери, она подавила дрожь въ голосѣ и сказала:

— Мнѣ жалко было тебя и оттого я пришла. А ты не стоишь этого. И никогда больше я къ тебѣ не приду. Слышишь, Павелъ?

Крутой затылокъ оставался неподвиженъ. Лиля гнѣвно кивнула ему головою и вышла.

Выражая на лицѣ полное презрѣнiе, точно въ

дверь вышло что-то нечистое, Павелъ тщательно закрылъ задвижку и прошелся по комнатѣ. Ему было легче, что онъ обругалъ и Катю и Лилечку и сказалъ, какія онѣ всѣ: дрянъ и шушера. И, осторожно прохаживаясь, онъ сталъ размышлять о томъ, какія всѣ женщины дурныя, эгоистичныя и ограниченныя существа. Вотъ Лиля. Она не могла понять, что онъ несчастенъ, и оттого такъ говоритъ и обругала его, какъ торговка. Она влюблена въ Авдѣева, а третьяго дня былъ у нихъ Петровъ, и она поругалась съ горничной, потомъ съ матерью за то, что не могли найти ея красной ленточки. И Катя Реймеръ такая же: она задумчивая, серьезная, она интересуются имъ, Павломъ, и говоритъ, что онъ умный; а придетъ къ ней тотъ же Петровъ, и она надѣнетъ для него голубенькую ленточку, будетъ причесываться передъ зеркаломъ и дѣлать красивое лицо. И все это для Петрова; а Петровъ — самоувѣренный пошлякъ и тупица, и это извѣстно всей гимназiи.

Она чистенькая и только догадывается, но не позволяетъ себѣ думать о томъ, что существуютъ развратныя женщины и болѣзни — страшныя, позорныя болѣзни, отъ которыхъ человѣкъ становится несчастнымъ и отвратительнымъ самому себѣ и стрѣляется изъ револьвера, такой молодой и хорошій! А сама она лѣтомъ на кругу носила платье декольтэ, и когда ходить подъ ручку, то близко-близко прижимается. Быть можетъ, она уже цѣловалась съ кѣмъ нибудь...

Павелъ сжалъ кулаки и сквозь зубы прошепталъ:

— Какая гадость!
Навѣрное цѣловалась...

Павель не осмѣливается даже взглянуть на нее, а она цѣловалась, и, вѣрнѣе всего, съ Петровымъ, — онъ самоувѣренный и наглый. А потомъ, когда-нибудь она отдастъ ему и свое тѣло, и съ нимъ будетъ дѣлать то же, что дѣлаютъ съ продажными женщинами. Какая мерзость! Какая подлая жизнь, въ которой нѣтъ ничего свѣтлаго, къ чему могъ бы обратиться взглядъ, отуманенный печалью и тоскою! Почему знать, — быть можетъ, и теперь, ужъ теперь у Кати есть... любовникъ.

— Не можетъ быть! — крикнулъ Павель, а кто то внутри его спокойно и злорадно продолжалъ, и слова его были ужасны:

«Да, есть, какой-нибудь кучеръ или лакей. Извѣстны случаи, когда у такихъ чистыхъ дѣвушекъ были любовники лакеи, и никто не зналъ этого, и всѣ считали ихъ чистыми; а онѣ ночью зѣгали на свиданіе босыми ногами, по страшно холодному полу. Потомъ выходили замужъ и обманывали. Это бываетъ — онъ читалъ. У Реймеровъ есть лакей, черный и красивый малый...»

Павель рѣзко поворачивается и начинаетъ ходить въ другую сторону.

Или Петровъ... Она вышла къ нему на свиданіе, а Петровъ, — онъ наглый и смѣлый, — сказалъ ей: »Тутъ холодно — поѣдемте куда нибудь въ тепло!...» и она поѣхала.

— Дальше Павель думать не можетъ. Онъ стоитъ у окна и словно давится желтымъ, отвратительнымъ туманомъ, который угрюмо и властно ползетъ въ

комнату, какъ безформенная, желтобрюхая гадина. Павла душить злорадство и отчаяніе, и все же ему легче, что онъ не одинъ дурной, а всѣ дурные, весь міръ. И не такой страшной и постыдной кажется его болѣзнь. „Это ничего“, думаетъ онъ: »Петровъ былъ два раза боленъ, Самойловъ даже три раза. Шмидъ, Померанцевъ уже вылѣчились, и я вылѣчусь«.

— Буду такой, какъ и они, и все будетъ хорошо,— рѣшилъ онъ. Павелъ попробовалъ задвижку, подошелъ къ столу и взялся за руку ящика, но тутъ ему представились всѣ эти глубоко запрятанные инструменты, склянки съ мутною жидкостью и желтыми противными ярлыками, и то, какъ онъ покупалъ ихъ въ аптеку, сгорая отъ стыда, а провизоръ отвертывался отъ него, точно и ему было стыдно; и какъ онъ былъ у доктора, человѣка съ благороднымъ и необыкновенно чистымъ лицомъ, такъ что странно даже было, что такой чистый человѣкъ принужденъ постоянно имѣть дѣло съ нечистыми и отвратительными болѣзнями. И протянутая рука Павла упала, и онъ подумалъ:

— Пусть!... Я не стану лѣчиться. Лучше я умру...

Онъ легъ, и передъ глазами его стояли склянки съ желтыми ярлыками, и отъ нихъ понятно стало, что все дурное, что онъ думалъ о Катѣ Реймеръ, — скверная и гадкая ложь, такая отвратительная и грязная, какъ и болѣзнь его. И стыдно и страшно ему было, что онъ могъ такъ думать о той, которую онъ любилъ и передъ которой недостойно стоять на колѣняхъ; могъ думать и радоваться своимъ грязнымъ мыслямъ и находить ихъ правдивыми и въ ихъ грязи черпать странную и ужасную гордость. И ему страшно стало самого себя.

— Неужели это я, и это руки — мои? — думалъ онъ и разглядывалъ свою руку, еще сохранившую лѣтній загаръ и у кисти испачканную чернилами.

И все стало непонятно и ужасно, какъ во снѣ. Онъ какъ будто первый разъ увидѣлъ и комнату свою, и лѣпной потолокъ, и свои сапоги, упершіеся въ прутья постели. Они были франтовскіе, съ узкими и длинными носками, и Павелъ пошевелилъ большимъ пальцемъ чтобы убѣдиться, что въ нихъ заключается его нога, а не чужая. И тутъ убѣдился, что это онъ, Павелъ Рыбаковъ, и понялъ что онъ погибшій человекъ, для котораго нѣтъ надежды. Это онъ думалъ такъ грязно о Катѣ Реймеръ; это у него постыдная болѣзнь; это онъ умретъ скоро-скоро и надъ нимъ будутъ плакать.

— Прости меня, Катя! — прошепталъ онъ блѣдными, пересохшими губами.

И онъ почувствовалъ грязь, которая обволакиваетъ его и проникаетъ насквозь. Онъ началъ чувствовать ее съ тѣхъ поръ, какъ заболѣлъ. Каждую пятницу Павелъ бываетъ въ банѣ, два раза въ недѣлю мѣняетъ бѣлье, и все на немъ новое, дорогое и незаношенное; но кажется, будто весь онъ съ головою лежитъ въ какихъ-то зловонныхъ помояхъ, и когда идетъ, то отъ него остается въ воздухѣ зловонный слѣдъ. Каждое маленькое пятнышко, оказавшееся на курткѣ, онъ разсматриваетъ съ испугомъ и страннымъ интересомъ, и очень часто у него начинаютъ чесаться то плечи, то голова, а бѣлье будто прилипаетъ къ тѣлу. И иногда это у него бываетъ за обѣдомъ, на людяхъ,

и тогда онъ сознаетъ себя такимъ ужасающе одинокимъ, какъ прокаженный на своемъ гноищѣ.

Также грязны и мысли его, и кажется, что если бы вскрыть его черепъ и достать оттуда мозги, они были бы грязные, какъ тряпка, какъ мозги животныхъ, что валяются на бойняхъ, въ грязу и навозѣ. И все женщины, усталыя, раскрашенные, съ холодными и наглыми глазами! Онѣ преслѣдуютъ его на улицѣ, и онъ боится выходить на улицу, особенно вечеромъ, когда городъ кишитъ этими женщинами, какъ разложившееся мясо червями; онѣ входятъ въ его голову, какъ въ свою грязную комнату, и онъ не можетъ отогнать ихъ. Когда онъ спитъ и безсиленъ управлять своими чувствами и желаніями, онѣ огненными призраками вырастаютъ изъ глубины его существа; когда онъ бодрствуетъ, какая-то страшная сила беретъ его въ свои желѣзныя руки и ослѣпленнаго, измѣнившагося, не похожаго на самого себя бросаетъ въ грязныя объятія грязныхъ женщинъ.

— Это оттого, что я развратникъ, — со спокойнымъ отчаяніемъ подумалъ Павелъ. — Да недолго имъ быть, — скоро застрѣлюсь. Повидаю сегодня Катю Реймеръ и застрѣлюсь. Или нѣтъ: я только изъ своей комнаты послушаю ея голосъ, а когда меня будутъ звать, — не выйду.

Тяжело волоча ноги, какъ больной, Павелъ подошелъ къ окну. Что то темное, жуткое и безнадежное, какъ осеннее небо, глядѣло оттуда, и казалось, что не будетъ ему конца, и всегда было оно, и нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ ни радости, ни чистаго и свѣтлаго покоя.

— Хоть бы свѣта! — говоритъ Павелъ съ тоскою и какъ послѣднюю надежду вспоминаетъ дневникъ. Онъ также далеко спрятанъ и не раскрывался съ тѣхъ поръ, какъ Павелъ заболѣлъ: когда мысли грязныя, и человекъ не любитъ себя, своей радости и своего горя, — ему не о чемъ писать въ дневникъ. Осторожно и нѣжно, какъ больное дитя, Павелъ беретъ дневникъ и ложится съ нимъ на кровать. Тетрадь красиво переплетена и обрѣзъ бумаги золотой; сама бумага бѣлая, чистая, и на всѣхъ исписанныхъ страницахъ нѣтъ ни одного грязнаго пятна; Павелъ осторожно и почтительно перелистываетъ ее, и отъ блестящихъ, туго гнущихся страницъ пахнетъ весною, лѣсомъ, солнечнымъ свѣтомъ и любовью.

Тутъ разсужденія о жизни, такія серьезныя и рѣшительныя, съ такимъ множествомъ умныхъ иностранныхъ словъ, что Павлу кажется, будто не онъ писалъ ихъ, а кто-то пожилой и страшно умный; тутъ первый трепетъ скептической мысли, первыя чистыя сомнѣнія и вопросы, обращенные къ Богу: гдѣ Ты, о Господи? Тутъ сладкая грусть неудовлетворенной и нераздѣленной любви рѣшеніе быть гордымъ, благороднымъ и любить Катю Реймеръ всю долгую жизнь. до самой могилы. Тутъ грозный и страшный вопросъ о цѣли и смыслѣ бытія и чистосердечный отвѣтъ, отъ котораго вѣетъ весною и солнечнымъ блескомъ: нужно жить чтобы любить людей, которые такъ несчастны. И ни слова о тѣхъ женщинахъ. Только изрѣдка, какъ отраженіе черной тучи на зеленой и смѣющейся землѣ, — короткія, подчеркнутыя и односложныя замѣтки:

тяжело. Павелъ знаетъ ихъ тайный и печальный смыслъ, объгааетъ ихъ глазами и быстро перевертываетъ страницу, которая опозорена ими.

И все время Павлу казалось, что это писалъ не онъ, а другой какой-то человѣкъ, хороший и умный; онъ умеръ теперь, этотъ человѣкъ, и оттого такъ многозначительно все имъ написанное и оттого такъ жаль читать его.

И тихая жалость къ умершему человѣку наполнила его сердце; и первый разъ за много дней Павелъ почувствовалъ себя дома, на своей постели, одного, а не на улицѣ, среди тысячъ враждебныхъ и чуждыхъ жизни.

Уже темнѣло, и погасъ странный желтоватый отблескъ; окутанная туманомъ, неслышно выростала долгая осенняя ночь, и точно испуганные, сближались дома и люди. Блѣднымъ, равнодушнымъ свѣтомъ загорѣлись уличные фонари. и былъ ихъ свѣтъ холоденъ и печаленъ; кое-гдѣ въ домахъ вспыхнули окна теплымъ огнемъ, и каждый такой домъ, гдѣ свѣтилось хоть одно окно, точно озарялся привѣтливой и ласковой улыбкой и становился большой, черный и ласковый, какъ старый другъ. Все также катились, колыхаясь, экипажи и торопливо двигались прохожіе; но теперь какъ будто у каждаго у нихъ была цѣль: скорѣе придти туда, гдѣ тепло и ласковый свѣтъ, и ласковые люди. Павелъ закрылъ глаза и ему живо представилось то, что онъ видѣлъ передъ отъѣздомъ съ дачи, когда одинъ, вечеромъ, онъ ходилъ гулять: молчаливыя осеннія сумерки, вмѣстѣ съ пушистымъ дождемъ падающія съ неба, и длинное прямое шоссе. Своими

концами оно утопало въ ровной мглѣ и говорило о чемъ-то безконечномъ, какъ жизнь, и по шоссе, навстрѣчу Павлу, быстро двигались два жестянщика, запряженные въ маленькую повозку. Повозка слабо погромыхивала; жестянщики напирали грудью и быстро шли, въ тактъ помахивая головами; а далеко передъ ними, почти на горизонтѣ, свѣтлой и яркой точкой блисталъ огонекъ. Одну минуту они были возлѣ Павла; а когда онъ обернулся, чтобы взглянуть имъ вслѣдъ, шоссе было безлюдно и темно, какъ будто никогда не проходили здѣсь люди, запряженные въ телѣжку.

Павелъ видѣлъ шоссе и сумерки, и это было все, что наполняло его мысли. Это была минута затишья, когда мятежная, взволнованная душа, истощенная попытками выбиться изъ желѣзнаго круга противорѣчій, легко и неслышно выскользнула изъ него и поднялась высоко. Это былъ покой и тишина, и отрѣшеніе отъ жизни, и что-то такое хорошее и грустное, чего нельзя передать человѣческой рѣчью. Больше получаса сидѣлъ Павелъ въ креслѣ, почти не двигаясь; въ комнатѣ стало темно, и свѣтлыя пятна отъ фонарей и еще отъ чего-то заиграли на потолкѣ; а онъ все сидѣлъ, и лицо его въ темнотѣ казалось блѣднымъ и непохожимъ на обычное.

— Павелъ, отвори! — послышался голосъ отца.

Павелъ вскочилъ, и отъ быстрого движенія та же острая и рѣзкая боль захватила ему дыханіе. Перегнувшись, прижавъ похолодѣвшія руки къ запавшему животу, онъ стиснулъ зубы и мысленно отвѣтилъ «сейчасъ», такъ, какъ говорить не могъ.

— Павлуша, ты спишь?

Павель открылъ. Сергѣй Андреичъ вошелъ немного смущенно, немного нерѣшительно, но въ то же время властно, какъ входятъ отцы, которые сознаютъ свое право — когда угодно войти въ комнату сына, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ быть джентльменами и строго чтутъ неприкосновенность чужого жилища.

— Что, братъ, спалъ? — мягко спросилъ Сергѣй Андреичъ и неловко въ темнотѣ похлопалъ Павла по плечу.

— Нѣтъ, такъ . . . дремалъ, — неохотно, но также мягко отвѣтилъ Павель, еще полный тихимъ покоемъ и неясными грезами. Онъ понялъ, что отецъ пришелъ къ нему мириться, и подумалъ: «Къ чему все это?».

— Зажги, пожалуйста, лампу! — попросилъ отецъ. — Только и спасенія отъ тумана, когда огни зажгутъ. Весь день сегодня нервничаю.

»Извиняется“ . . . — подумалъ, Павель снимая стекло и зажигая спичку. Сергѣй Андреичъ сѣлъ въ кресло у стола, поправилъ абажуръ и, замѣтивъ тетрадку съ надписью «дневникъ», деликатно отложилъ ее въ сторону и даже прикрылъ бумагой. Павель молча наблюдалъ за движеніями отца и ждалъ.

— Дай-ка спичечку! — попросилъ Сергѣй Андреичъ, доставая папиросу. Спички у него были въ карманѣ, но ему хотѣлось доставить сыну удовольствіе услужить ему.

Онъ закурилъ, взглянувъ на черный переплетъ Бокля, и началъ:

Я радикально не согласенъ съ Толстымъ и другими опростителями, которые бесплодно воюють съ цивилизаціей и требуютъ, чтобы мы вновь ходили на четверенькахъ. Но нельзя не согласиться, что оборотная сторона цивилизаціи внушаетъ весьма, — онъ поднялъ руку и опустилъ ее, — весьма серьезныя опасенія. Такъ, если мы посмотримъ на то, что дѣлается теперь хотя бы въ той же прекрасной Франціи . . .

Сергѣй Андреичъ былъ умный и хорошій человекъ и думалъ все то, что думали умные и хорошіе люди его страны и его времени, учившіеся въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ и читавшіе однѣ и тѣ же хорошія книги, газеты и журналы. Онъ былъ инспекторомъ страхового общества «Фениксъ» и часто уѣзжалъ изъ столицы по его дѣламъ; а когда бывалъ дома, то ему едва хватало времени повидаться съ многочисленными знакомыми, побывать въ театрѣ, на выставкахъ и познакомиться съ книжными новостями. При всемъ томъ онъ улучалъ время побыть съ дѣтьми, особенно съ Павломъ, развитію котораго, какъ развитію мальчика, придавалъ особенное значеніе. Кромѣ того, съ Лилей онъ не зналъ, о чемъ говорить, и за это больше ласкалъ ее. Павла онъ не ласкалъ, какъ мальчика, но зато говорилъ съ нимъ, какъ со взрослымъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, съ тою только разницей, что никогда не посвящалъ разговора житейскимъ пустякамъ, а старался направить его на серьезные темы. Поэтому онъ считалъ себя хорошимъ отцомъ и когда начиналъ разговаривать съ Павломъ, то чувствовалъ себя какъ профессоръ на

кафедрѣ. Ему и Павлу это очень нравилось. Даже объ успѣхахъ Павла въ училищѣ онъ не рѣшался разспрашивать подробно, такъ какъ боялся, что это нарушитъ гармонию ихъ отношеній и придастъ имъ низменный характеръ крика, брани и упрековъ. Своихъ рѣдкихъ вспышекъ онъ долго стыдился и оправдывалъ ихъ темпераментомъ. Онъ зналъ всѣ мысли Павла, его взгляды, его слагающіяся убѣжденія и думалъ, что знаетъ всего Павла. И онъ былъ очень удивленъ и огорченъ, когда вдругъ оказалось, что Павелъ — не въ этихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, а гдѣ-то внѣ ихъ, въ какихъ-то загадочныхъ настроеніяхъ, въ какихъ-то омерзительныхъ рисункахъ о происхожденіи которыхъ необходимо требовать отчета. Рано или поздно необходимо.

И теперь онъ говорилъ очень умно и хорошо о томъ, что культура улучшаетъ частичныя формы жизни, но въ цѣломъ оставляетъ какой-то диссонансъ, какое-то пустое и темное мѣсто, которое всѣ чувствуютъ, но не умѣютъ назвать, — но была въ его рѣчи неувѣренность и неровность, какъ у профессора, который не увѣренъ во вниманіи своей аудиторіи и чувствуетъ ея тревожное и далекое отъ лекцій настроеніе. И нѣчто другое было въ его рѣчи: что-то подкрадывающееся, скользжащее и безпокойно пытающее. Онъ чаще обыкновеннаго обращался къ Павлу:

— Какъ ты думаешь, Павелъ? Согласенъ ли ты, Павелъ?

И необыкновенно радовался, когда Павелъ выражалъ согласіе. Онъ точно нащупывалъ что-то своими бѣлыми и пухлыми пальцами, которые дви-

гались въ тактъ его рѣчи и угрожающе тянулись къ Павлу; къ чему-то осторожно и хитро подкрадывался, и тѣ слова, которыя онъ говорилъ, были словно широкая маскарадная одежда, за которой чувствуется очертаніе другихъ, еще невѣдомыхъ и страшныхъ словъ. Павелъ понималъ это и со смутнымъ страхомъ глядѣлъ на спокойно блестящее пенснэ, на обручальное кольцо на толстомъ пальцѣ, на покачивающуюся ногу въ блестящемъ сапогѣ. Страхъ нарасталъ, и Павелъ уже чувствовалъ, уже зналъ, о чемъ заговорить сейчасъ отецъ, и сердце билось у него тихо, но звонко, какъ будто грудь была пустая. Широкая одежда колыхалась и спадала, и жестокія слова судорожно рвались изъ-подъ нея. Вотъ отецъ кончилъ говорить объ алкоголикахъ и закурилъ папиросу слегка дрожащею рукою. «Сейчасъ!» — подумалъ Павелъ и весь сжался, какъ сжимается въ своей клеткѣ черный воронъ съ подбитымъ крыломъ, къ которому протянулась сквозь дверцу чья-то огромная, растопыренная рука.

Сергѣй Андрѣичъ тяжело передохнулъ и началъ:

— Но есть, Павелъ, нѣчто болѣе страшное, чѣмъ алкоголизмъ . . . .

— «Сейчасъ!» — подумалъ Павелъ.

. . . болѣе ужасное, нежели смертоубійственные войны, болѣе опустошительное, нежели чума и холера . . .

— «Сейчасъ! Сейчасъ!» — думалъ Павелъ, сжимаясь и чувствуя все свое тѣло, какъ оно чувствуется въ ледяной водѣ.

— . . . это развратъ! Тебѣ, Павелъ, прихо-

дилось читать спеціальныя книги по этому интересному вопросу?

— «Застрѣлюсь! . . . » — быстро подумалъ Павелъ, а вслухъ спокойно и съ приличнымъ интересомъ сказалъ:

— Спеціальныхъ нѣтъ, но вообще-то да, кое-что встрѣчалось. Меня, папа, очень интересуеъ этотъ вопросъ.

— Да? . . . — пенснэ Сергѣя Андреича блеснуло. — Да, это страшный вопросъ, и я убѣжденъ, Павелъ, что участь всего культурнаго человѣчества зависитъ отъ того или иного рѣшенія его. Дѣйствительно... Вырожденіе цѣлыхъ поколѣній, даже цѣлыхъ странъ; психическія разстройства со всѣми ужасами безумія и маразма. . . Такъ вотъ. . . И, наконецъ, безчисленныя болѣзни, разрущающія тѣло и даже душу. Ты, Павелъ, даже представить себѣ не можешь, что это за скверная штука такая болѣзнь. Одинъ мой товарищъ по университету, — онъ пошелъ потомъ въ военно-юридическую академию, нѣкто Скворцовъ, Александръ Петровичъ, — заболѣлъ, будучи на второмъ курсѣ, и даже несерьезно заболѣлъ, но такъ испугался, что вылилъ на себя бутылку керосину и зажегъ. Насилу спасли.

— Онъ теперь живъ, папа?

— Конечно живъ, но страшно обезображенъ. Такъ вотъ . . . Профессоръ Бергъ въ своемъ капитальномъ трудѣ приводитъ поразительныя статистическія данныя . . .

Они сидѣли и разговаривали спокойно, какъ два хорошихъ знакомыхъ, попавшихъ на очень интересную тему. Павелъ выражалъ на лицѣ изу-

мленіе и ужасъ, вставляяль вопросы и изрѣдка восклицаль: «Чортъ знаетъ, что такое! Да неужели твоя статистика не вретъ?» И внутри его было такъ мертвенно спокойно, какъ будто не живое сердце билось въ его груди, какъ будто не кровь переливалась въ его венахъ, а весь онъ былъ выкованъ изъ одного куска холоднаго и безучастнаго желѣза. То, что онъ думаль самъ о грозномъ значеніи своей болѣзни и своего паденія, грозно подтверждалось книгами, въ которыя онъ вѣрилъ, умными иностранными словами и цифрами, непоколебимыми и твердыми, какъ смерть. Кто-то большой, умный и всезнающій говорить со стороны объ его гибели, и въ спокойномъ безстрастіи его словъ было что-то фатальное, не оставлявшее надеждъ жалкому человѣку.

Былъ веселье и Сергѣй Андреичъ: смѣялся, закругляль слова и жесты, самодовольно помахиваль рукою — и со смятеніемъ чувствовалъ, что въ правдѣ его словъ таится страшная и неуловимая ложь. Съ подавляемою злобою онъ поглядываль на развалившася Павла, и ему страшно хотѣлось, чтобы это былъ не хорошій знакомый, съ которымъ такъ легко говорится, а сынъ; чтобы были слезы, былъ крикъ, были упреки, но не эта спокойная и фальшивая бесѣда. Сынъ опять ускользалъ отъ него, и не къ чему было придратъся, чтобы закричать на него, затопать ногами, даже, быть можетъ, ударить его, но найти что-то нужное, безъ чего нельзя жить. «Это полезно то, что я говорю: я предостерегаю его», — успокаиваль себя Сергѣй Андреичъ; но рука его съ жаднымъ нетерпѣніемъ тянулась къ боковому карману, гдѣ въ бумажникѣ, рядомъ съ пятидесяти-

рублевой бумажкой, лежалъ смятый и расправленный рисунокъ. «Сейчасъ спрошу — и все кончится», — думалъ онъ.

Но тутъ вошла мать Павла, полная, красивая женщина, съ напудренными лицомъ и глазами, какъ у Лилечки: сѣрыми и наивными. Она только что пріѣхала, и щеки и носъ ея отъ холода краснѣли.

— Ужасная погода! — сказала она. — Опять туманъ, ничего не видно. Ефимъ чуть не сбиль кого-то на углу.

— Такъ ты говоришь, 70 процентовъ? — спрашивалъ Павелъ отца.

— Да, 72%. Ну, какъ у Соколовыхъ? — спросилъ Сергѣй Андреичъ жену.

— Ничего, какъ всегда. Скучаютъ. Аничка слегка больна. Завтра вечеромъ хотятъ къ намъ. Анатолій Ивановичъ пріѣхалъ, тебѣ кланяется.

Она довольно оглядѣла ихъ веселыя лица, дружественныя позы и потрепала сына по щекѣ; а онъ, какъ всегда, поймалъ на лету ея руку и поцѣловалъ. Онъ любилъ мать, когда видѣлъ ее; а когда ея не было, то совершенно забывалъ объ ея существованіи. И такъ относились къ ней всѣ, родные и знакомые, и если бы она умерла, то всѣ заплакали бы о ней и тотчасъ бы забыли — всю забыли, начиная съ красиваго лица, кончая именемъ. И писемъ она никогда не получала.

— Болтали? — весело оглядывала она отца и сына. — Ну, я очень рада. А то такъ непріятно, когда отецъ съ сыномъ дуются. Точно „Отцы и дѣти“. И объдню ему простилъ?

— Это отъ тумана... — улыбулись Сергѣй Андреичъ и Павелъ.

— Да, ужасная погода! Точно всё облака свалились на землю Я говорю Ефиму: „Пожалуйста, тише!“ Онъ говоритъ: «Хорошо, барыня!» и гонитъ. Гдѣ же Лилечка? Лилечка! Зовите ее обѣдать! Господа отцы и дѣти, въ столовую!

Сергѣй Андреичъ попросилъ:

— Одну минуту. Мы сейчасъ

— Да вѣдь уже семь...

— Да, да, подавайте! Мы сейчасъ.

Юлія Петровна вышла, и Сергѣй Андреичъ сдѣлалъ шагъ къ сыну. Также, невольно, Павелъ шагнулъ впередъ и угрюмо спросилъ:

Что?

Теперь они стояли другъ противъ друга, открыто и прямо, и все, что говорилось раньше, куда-то ушло, чтобы больше не вернуться: профессоръ Бергъ, статистика, 72⁰/₀.

— Павелъ!... Павлуша! мнѣ Лилечка сказала, что ты чѣмъ-то разстроенъ. И вообще я замѣчаю, что ты въ послѣднее время измѣнился. Нѣтъ ли у тебя непріятностей въ училищѣ?

— Нѣтъ. Ничего со мною.

Сергѣю Андреичу хотѣлось сказать: „сынъ мой!“ — но показалось неловко и искусственно, и онъ сказалъ:

— Мой другъ!..

Павелъ молчалъ и, заложивъ руки въ карманъ, глядѣлъ въ сторону. Сергѣй Андреичъ покраснѣлъ, дрожащею рукою поправилъ пенснэ и вынулъ бумажникъ. Брезгливо, двумя пальцами онъ вытащилъ

смятый и расправленный листокъ и молча протянулъ его къ Павлу.

— Что это? — спросилъ Павелъ.

— Посмотри!

Черезъ плечо, не вынимая рукъ изъ кармана, Павелъ взглянулъ. Бумажка плясала въ пухлой и бѣлой рукѣ Сергѣя Андреича, но Павелъ узналъ ее и весь мгновенно загорѣлся страшнымъ ощущеніемъ стыда. Въ ушѣхъ его что-то загрохотало, какъ тысячи камней, падающихъ съ горы; глаза его точно опалилъ огонь, и онъ не могъ ни отвести взгляда отъ лица Сергѣя Андреича, ни закрыть глаза.

— Это ты? — откуда-то издалека спросилъ отецъ.

И съ внезапной злобой Павелъ гордо и открыто отвѣтилъ:

— Я!..

Сергѣй Андреичъ выпустилъ изъ пальцевъ рисунокъ, и, колыхаясь углами, онъ тихо опустился на полъ. Потомъ отецъ повернулся и быстро вышелъ и въ столовой послышался его громкій и удаляющийся голосъ: „Обѣдайте безъ меня! Миѣ необходимо съѣздить по дѣлу“. А Павелъ подошелъ къ умывальнику и началъ лить воду на руки и лицо, не чувствуя ни холода, ни воды.

— Замучили! — шепталъ онъ, задыхаясь, пока высокая струя била въ глаза и ротъ.

Послѣ обѣда, часовъ въ восемь, къ Лилечкѣ пришли гимназистки, и Павелъ слышалъ изъ своей комнаты, какъ онѣ пили въ столовой чай. Ихъ было много; онѣ смѣялись и ихъ звонкіе, молодые голоса

звенѣли другъ о друга, какъ крылья играющихъ стрекозъ, и было похоже не на комнату въ осенній ненастный вечеръ, а на зеленый лугъ, когда солнце смотритъ на него съ полуденнаго юльскаго неба, И басисто, какъ майскіе жуки, гудѣли гимназисты Павелъ чутко прислушивался къ голосамъ, но среди нихъ не было полнозвучнаго и искренняго голоса Кати Реймеръ, и онъ все ждалъ и вздрагивалъ, когда заговаривалъ кто-нибудь новый, только что пришедшій. Онъ молилъ ее прійти, и разъ случилось, что онъ совсѣмъ ясно услышалъ ея голосъ: »Вотъ и я...» и чуть не заплакалъ отъ радости; но голосъ смѣшался съ другими, и какъ ни напрягалъ онъ слухъ, больше не повторялся. Потомъ въ столовой стихло, и глухо заговорила прислуга, а изъ залы принеслись звуки рояля. Плавные и легкіе, какъ танецъ, но странно скорбные и печальные, они кружились надъ головою Павла, какъ тихіе голоса изъ какого-то чужого, прекраснаго и навѣки покинутаго міра.

Вбѣжала Лилечка, розовая отъ таңцевъ. Чистый лобъ ея былъ влаженъ, и глаза сіяли, и складки коричневаго форменнаго платья будто сохраняли еще слѣды ритмическихъ колыбаній.

— Павля! Я не сержусь на тебя! — сказала она и быстро горячими губами поцѣловала его, обдавъ волною такого же горячаго и чистаго дыханія. — Пойдемъ танцовать! Скорѣе!

— Не хочется.

— Жаль только, что не всѣ пришли: Кати нѣтъ, Лидочки нѣтъ, и Пospѣловъ извоилъ уйти въ театръ. Пойдемъ, Павля, скорѣе!

— Я никогда не буду танцевать.

— Глупости! Пойдемъ скорѣе! Приходи, — я буду ждать.

У дверей ей стало жаль брата, она вернулась, еще разъ поцѣловала его и успокоенная выбѣжала.

— Скорѣй, Павля! Скорѣй!

Павель закрылъ дверь и крупными шагами заходилъ по комнатѣ.

— Не пришла! говорилъ онъ громко. — Не пришла! Повторялъ онъ, кружась по комнатѣ. — Не пришла!

Въ дверь постучали и послышался самоувѣренный и наглый голосъ Петрова:

— Павель! отвори!

Павель притаился и задержалъ дыханіе.

— Павель, будетъ глупить! Отвори! Меня Елизавета Сергѣевна послала.

Павель молчалъ. Петровъ стукнулъ еще разъ и спокойно сказалъ:

— Ну, и свинья же ты, братецъ! И молодо — зелено.. Катеньки нѣтъ, онъ и раскись. Дуракъ!

И Петровъ смѣетъ говорить своими нечистыми устами. »Катенька«!

Выждавъ минуту, когда въ залѣ снова заиграли, Павель осторожно выглянулъ въ пустую столовую, прошелъ ее и возлѣ ванной, гдѣ висѣло кучею ненужное платье, отыскалъ свою старенькую лѣтнюю шинель. Потомъ быстро прошелъ кухню и по черной лѣстницѣ спустился на дворъ, а оттуда на улицу.

Сразу стало такъ сыро, холодно и неудобно, какъ будто Павель спустился на дно обширнаго погреба, гдѣ воздухъ неподвиженъ и тяжелъ, и по

скользкимъ высокимъ стѣнамъ ползають мокрицы. И неожиданнымъ казалось, что въ этомъ свинцовомъ, пахнущемъ гнилью туманѣ продолжаетъ течь какая-то своя, неугомонная и бойкая жизнь; она въ грохотѣ невидимыхъ экипажей и въ огромныхъ расплывающихся свѣтлыхъ шарахъ, въ центрѣ которыхъ тускло и ровно горятъ фонари; она въ торопливыхъ, безформенныхъ контурахъ — похожихъ на смытыя чернильные пятна на сѣрой бумагѣ, которыя вырастають изъ тумана и опять уходятъ въ него, и часто чувствуются только по тому странному ощущенію, которое безошибочно свидѣтельствуетъ о близкомъ присутствіи человѣка. Кто-то невидимый быстро толкнулъ Павла и не извинился; задѣвъ его локтемъ, прошла какая-то женщина и близко заглянула ему въ лицо. Павелъ вздрогнулъ и злобно отшатнулся.

Въ пустынномъ переулкѣ, противъ дома Кати Реймеръ, онъ остановился. Онъ часто ходилъ сюда и теперь пришелъ, чтобы показать, какъ онъ несчастенъ и одинокъ, и какъ подло поступила Катя Реймеръ, которая не пришла въ минуту смертельной тоски и смертельнаго ужаса. Сквозь туманъ слабо просвѣчивали окна, и въ ихъ мутномъ взглядѣ была дикая и злая насмѣшка, будто сидящій за пиршественнымъ столомъ оплывшими отъ сытости глазами смотрѣлъ на голоднаго и лѣнливо улыбался. И захлебываясь гнилымъ туманомъ, дрожа отъ холода въ своемъ старенькомъ пальтишкѣ, Павелъ съ голодною ненавистью упивался этимъ взглядомъ. Онъ ясно видѣлъ Катю Реймеръ: какъ она, чистая и невинная, сидитъ среди чистыхъ людей и улыбается, и и читаетъ хорошую книгу, ничего не знаетъ объ

улицѣ. въ грязи и холодѣ которой стоитъ погибающій человекъ. Она чистая и подлая въ своей чистотѣ; она, быть можетъ, мечтаетъ сейчасъ о какомъ-нибудь благородномъ героѣ, и если бы вошелъ къ ней Павелъ и сказалъ: «Я грязенъ, я боленъ, я развратенъ, и оттого я несчастенъ и умираю; поддержи меня!» — она безглаголиво отвернулась бы и сказала: «Ступай! Мнѣ жалъ тебя, но ты противенъ мнѣ. Ступай!» И она заплакала бы; она чистая и добрая, она заплакала бы... прогоняя. И милостынею своихъ чистыхъ слезъ и гордаго сожалѣнія она убила бы того, кто просилъ ее о человѣческой любви, которая не оглядывается и не боится грязи.

— Я ненавижу тебя! — шептало странное, безформенное пятно человекъ, охваченнаго туманомъ и вырваннаго имъ изъ живого міра. — Я ненавижу тебя!

Кто то прошелъ мимо Павла, не замѣтивъ его. Павелъ испуганно прижался къ мокрой стѣнѣ и сдвинулся только послѣ того, какъ шаги умолкли.

— Ненавижу...

Какъ въ ватѣ, задыхается въ туманѣ голосъ. Безформенное пятно человекъ медленно удаляется; сверкнула около фонаря металлическая пуговица, и все растаяло, какъ будто никогда и не было его, а всегда былъ только мутный и холодный туманъ.

Нева безнадежно стыла подъ тяжелымъ туманомъ и была молчалива, какъ мертвая; ни свистка парохода, ни всплеска воды не доносилось съ ея широкой и темной поверхности. Павелъ сѣлъ на одной изъ полукруглыхъ скамеекъ и прижался спиною къ влажному и спокойно холодному граниту. Его про-

хватила дрожь, и застывшіе пальцы почти не сгибались, и руки онѣмѣли въ кисти и въ локтѣ; но ему было противно идти домой: въ музыкѣ и чуждомъ весельи было что-то, напоминавшее Катю Реймеръ, нелѣпое и обидное, какъ улыбка случайнаго прохожаго на чужихъ похоронахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Павла, въ туманѣ смутно проплывали тѣни людей; у одного около головы было маленькое огненное пятнышко, очевидно, папироса; на другомъ, едва видимомъ, были, вѣроятно, твердыя кожаныя калоши и при каждомъ его шагѣ стучали: чекъ-чекъ! И долго было слышно, какъ онъ идетъ.

Одна тѣнь въ нерѣшимости остановилась; у нея была огромная не по росту, голова, уродливыхъ и фантастическихъ очертаній, и когда она двинулась къ Павлу, ему стало жутко. Вблизи это оказалось большой шляпой съ бѣлыми загнутыми перьями, какія бываютъ на погребальныхъ колесницахъ, а сама тѣнь — обыкновенной женщиной. Какъ и Павелъ, она дрожала отъ холода и тщетно прятала большія руки въ карманчики драповой короткой кофты; пока она стояла, она была невысокаго роста, а когда сѣла возлѣ Павла, то стала почти на голову выше его.

— Молодой красавецъ, одолжите папироску! — попросила она.

— Извините, молодая красавица, я не курю, — развязно и возбужденно отвѣтилъ Павелъ.

Женщина крикливо хихикнула, лякнула отъ холода зубами и дыхнула на Павла запахомъ пива.

— Пойдемте ко мнѣ! — сказала женщина, и голосъ у нея былъ крикливый, какъ и смѣхъ. — Пойдемте! Водочкой меня угостите!

Что-то широкое, клубящееся, быстрое, какъ па-

деніе съ горы, открылось теперь передъ Павломъ, какіе-то желтые огни среди колеблющагося мрака, какое-то обѣщаніе страннаго веселія безумія и слезъ. А снаружи его пронивывалъ сырой туманъ, и локти коченѣли. И съ вѣжливостью, въ которой былъ вызовъ, насмѣшка и слезы смертельнаго отчаянія, онъ сказалъ:

— О, божественная! вы такъ хотите моихъ страстныхъ ласкъ?

Женщинѣ показалось обидно; она сердито отвернулась, лякнула зубами и замолчала, гнѣво поджавъ тонкія губы. Ее выгнали изъ портерной за то, что она не стала пить кислаго пива и плеснула изъ стакана въ сидѣльца; высокія калоши пробились на носкахъ и протекали, и отъ всего отъ этого ей хотѣлось обижаться и кого-нибудь бранить. Павелъ сбоку видѣлъ ея сердитый профиль съ короткимъ носомъ и широкимъ, мясистымъ подбородкомъ и улыбался. Она была какъ разъ, какъ тѣ женщины, что преслѣдовали его, и ему было смѣшно, и какое-то странное чувство сближало его съ ней. И ему нравилось, что она сердится.

Женщина повернулась и рѣзко бросила:

— Ну? Идти, такъ идти, — какого дьявола!

И Павелъ со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Вы правы, сударыня: какого дьявола! Какого дьявола намъ съ вами не пойти, не выпить водки и не предаться изысканнымъ наслажденіямъ?

Женщина высвободила руку изъ карманчика и немного сердито, немного дружески хлопнула его по плечу:

— Мели Емеля — твоя недѣля! Ну, я пойду впереди, а вы сзади.

— Почему? — удивился Павелъ. — Почему сзади, а не рядомъ съ вами, божественная . . . онъ немного запнулся, — Катя?

— Меня зовутъ Манечкой. Оттого, что рядомъ для васъ стыдно.

Павелъ подхватилъ ее за руку и повлекъ, и плечо женщаны неловко забилося объ его грудь. Ожа смѣялась и шла не въ ногу, и теперь видно было, что она слегка пьяна. У воротъ одного дома она высвободила руку и, взявъ у Павла рубль, пошла добывать у дворника водки.

— Вы же поскорѣе, Катенька! — попросилъ Павелъ, теряя глазами ея контуръ въ черномъ и мглистомъ отверстіи воротъ.

Издалека донеслось:

— Манечка, а не Катя!

Горѣлъ фонарь, и къ его холодному, влажному столбу прижался щекою Павелъ и закрылъ глаза. Лицо его было неподвижно, какъ у слѣпого, и внутри было такъ спокойно и тихо, какъ на кладбищѣ. Такая минута бываетъ у приговореннаго къ смерти, когда уже завязаны глаза, и смолкъ вокругъ него звукъ суетливыхъ шаговъ по звонкому дереву; и въ грозномъ молчаніи уже открылась наполовину великая тайна смерти. И, какъ зловѣщая дробь барабановъ, глухо и далеко прозвучалъ голосъ:

— Вотъ вы гдѣ? А я васъ искала-искала. . . . За кого ни хвачусь, все не тотъ. Ужъ думала, что вы ушли, и сама хотѣла уйтить.

Павелъ напрягся, что-то сбросилъ съ себя и выбросилъ веселый и громкій вопросъ:

— А водочки то? Самое главное, водочки! Ибо что такое мы съ вами, Катенька, безъ водочки?

— А какъ васъ звать то? Хотѣла по имени покликать, да вы не сказали.

— Меня зовутъ, Катечка, немного странно: Процентомъ меня зовутъ. Процентъ, Вы можете звать меня Процентикъ. Такъ выходитъ ласковѣе, и наши интимныя отношенія это допускаютъ, — говорилъ Павелъ, увлекая женщину.

— Такого имени нѣту. Такъ только собакъ зовутъ.

— Что вы, Катечка! Меня даже отецъ такъ зоветъ: Процентикъ, Процентикъ! Клянусь вамъ профессоромъ Бергомъ и святой статистикой!

Двигался туманъ и огни, и опять о грудь Павла бились плечи женщины и передъ глазами болталось большое загнутое перо, какія бываютъ на погребальныхъ колесницахъ; потомъ что-то черное, гнилое скверно пахнущее охватило ихъ, и начались какія то ступеньки, вверхъ-внизъ, и опять внизъ. Въ одномъ мѣстѣ Павелъ чуть не упалъ, и женщина поддержала его. Потомъ какая-то душная комната, въ которой сильно пахло сапожнымъ товаромъ и кислыми щами, горѣла лампада, и за ситцевой занавѣской кто-то отрывисто и сердито храпѣлъ.

— Тише! — шептала женщина, ведя Павла за руку: — тутъ хозяинъ спитъ, дьяволъ, сапожникъ, пропащая душа!

И Павлу было страшно этого сапожника, который гдѣ-то за занавѣской храпѣлъ такъ отрывисто и сердито, и онъ осторожно шагаль тяжелыми, мокрыми калошами. Потомъ сразу глубокая тьма,

звукъ снимаемаго стекла и сразу яркій ослѣпительный свѣтъ маленькой лампочки, висѣвшей на стѣнѣ. Внизу подъ лампою былъ столикъ и на немъ лежали: гребешокъ съ тонкими волосами, запутавшимся между зубьями, засохшіе куски хлѣба, облѣпленный хлѣбнымъ мякишемъ большой ножъ и глубокая тарелка, на днѣ которой, въ слоѣ желтаго подсолнечнаго масла, лежали кружки картофеля и крошеный лукъ. И къ этому столу приковалось все вниманіе Павла.

— Вотъ и дома!— сказала Манечка. Раздѣвайтесь!

Они сидѣли, смѣялись и пили, и Павелъ одною рукою обнималъ полуголую женщину; у самыхъ глазъ его было толстое, бѣлое плечо съ полоской грязноватой рубашки и сломанной пуговицей, и онъ жадно цѣловалъ его, присасываясь влажными и горячими губами. Потомъ цѣловалъ лицо и, странно, не могъ ни разсмотрѣть его, какъ слѣдуетъ, ни запомнить. Пока смотрѣлъ на него, оно казалось давно знакомымъ и извѣстнымъ, до каждой черточки, до маленькаго прыщика на вискѣ; но когда отвертывался, то сразу и совершенно забывалъ. Будто не хотѣла душа принимать этого образа и съ силою выталкивала его.

— Одно скажу, — говорила женщина, стараясь снять съ картошки прилипшій къ ней длинный волосъ и изрѣдка равнодушно цѣлуя Павла въ щеку маслянистыми губами, — одно скажу: кислаго пива пить я не стану. Давай, кому хочешь, а я не стану. Стерва я, это вѣрно, а кислаго пива локать не стану. И всѣмъ скажу открыто, хоть подъ барабаномъ: не стану!

— Давайте пѣть, Катечка — просилъ Павелъ.

— А если тебѣ не нравится, что я тебѣ въ харю выплеснула, то пожалуйста въ участокъ; а бить себя — не позволю. Характеръ у меня гордый, и такихъ-то, какъ ты, можетъ, тысячу видала, да и то не испугалась, — обращалась женщина къ обидѣвшему ее сидѣльцу.

— Бросьте, Катечка, забудьте! — упрасивалъ Павелъ. — Я вѣрю, вы горды, какъ испанская королева, и прекрасно. Давайте пѣть! Хорошія пѣсни, хорошія пѣсни!

— И не Катечка я, а Манечка. А пѣть нельзя; хозяинъ у меня дьяволъ, сапожникъ, пропащая душа: не велитъ.

— Все равно, Катечка-ли. Манечка ли. Ей — Богу, все равно. — Это говорю тебѣ я, Павелъ Рыбаковъ, пьяница и развратникъ. Вѣдь ты меня любишь, моя гордая королева?

— Люблю. Только я не позволю называть меня Катечкой, — упрямо твердила женщина.

— Ну вотъ! — качнулъ головою Павелъ. — Будемъ пѣть! Будемъ пѣть! Будемъ пѣть хорошія пѣсни, какія поютъ они. Эхъ, хорошую я знаю пѣсню! Но ее такъ пѣть нельзя. Закрой глаза, Катенька, ты закрой глаза, закрой ихъ и вообрази, будто ты въ лѣсу, и темная-темная ночь..

— Не люблю я въ лѣсу. Про какой ты мнѣ лѣсъ говоришь? Говори такъ, а не про лѣсъ! Ну его къ чорту! Давай выпьемъ лучше, и не разстаивай ты меня, не люблю я этого.. — угрюмо говорила Манечка, наливая и расплескивая водку. У нея, очевидно, была одышка, и дышала она тяжело и трудно,

какъ будто плыла по глубокой водѣ. И губы у нея стали тоньше и слегка посинѣли.

— Темная-темная ночь! — продолжалъ Павелъ съ закрытыми глазами. — И будто идутъ, и ты идешь, и кто-то красиво поетъ... Постой, какъ это? »Ты мнѣ сказала: да — я люблю тебя«!... Нѣтъ, не могу я, не умѣю пѣть.

— Не ори, — хозяина разбудишь. Какого дьявола!

— Нѣтъ, не умѣю я пѣть. Не умѣю! — съ отчаяніемъ сказалъ Павелъ и взялся за голову. Огненные ленты свивались въ причудливыхъ и страшныхъ узорахъ, и было широко, какъ въ полѣ, и душно, какъ на днѣ узкой и глубокой ямы. Манечка черезъ плечо презрительно смотрѣла на него и говорила:

— Пей! какого дьявола!

— Да, я люблю тебя.. Да, — я люблю тебя... Нѣтъ. не умѣю.

Онъ широко открылъ глаза и скрытымъ огнемъ ихъ опалилъ лицо женщины.

— Вѣдь есть же у тебя сердце? Вѣдь есть, Катечка! Ну, такъ дай мнѣ твою руку! Дай! — Онъ улыбнулся сквозь наворачнувшіяся слезы и горячими губами припалъ къ враждебно сопротивлявшейся рукѣ.

— Перестань дурить! гнѣвно сказала женщина и выдернула руки. — Разстроился, слюняй! Спать, такъ спать, а то!..

— Катечка! Катечка! — шепталъ онъ умоляюще, и слезы мѣшали ему видѣть сонное и злое лицо, которое съ отвращеніемъ уставилось на него.

— Катечка, голубка, моя миленькая, пожалѣй меня, пожалуйста! Я такъ несчастенъ, и ничего, ничего нѣтъ у меня. Господи, да пожалѣй же ты меня, Катечка!

Женщина рѣзко оттолкнула его и шатаясь встала.

— Убирайся къ дьяволу! — крикнула она, задыхаясь. — Ненавижу! . . . Нализался, какъ сапожникъ, и ломается — Катечка! Катечка! — передразнила она, поджимая тонкія, синеватыя губы. — Знаю я, какую тебѣ Катечку нужно. Ну, и убирайся къ ней! Лижется, а самъ: Катечка, Катечка! У-у, мальчишка, щенокъ, кукольное рыло! Тебя къ женщинѣ подпускать не стоитъ, а тоже: Катечка, Катечка!

Павель, опустивъ голову и покачивая ею, что-то шепталъ и стриженный крутой затылокъ его тихо вздрагивалъ.

— Слышишь, что ли? — крикнула женщина.

Павель взглянулъ на нее мокрыми и незрячими глазами и снова закачался съ равномерностью человѣка, у котораго болятъ зубы — вправо, влево. Презрительно фыркнувъ, женщина подошла къ кровати и стала оправлять ее. На ходу съ нея сокочила бумазейная полосатая юбка, и она ногами отбросила ее.

— Катечка! Катечка! — говорила она, сердито комкая подушку. — Ну, и иди къ Катечкѣ! А меня крестили Манечкой, и такихъ щенковъ, какъ ты, я, можетъ, тысячу видала, да и то не испугалась. Эка! Думаетъ, рубль даль, такъ я ему всякіе фокусы показывать буду. У меня, можетъ, у самой

три рубля въ шкатулкѣ лежатъ. Ну, иди спать, что ли!

Она легла поверхъ одѣяла и съ ненавистью глядѣла на Павла, на его стриженный и крутой затылокъ, вздрагивавшій отъ плача.

— Ухъ! Надоѣли вы мнѣ всѣ, черти поганые! Измучили вы меня! Чего ревешь? Маменьки боишься? — говорила она съ лѣнливою и злою насмѣшкою. — Драть мальчика будутъ? Боишься, а сладенькое любишь. Любишь... Да. Знаю я васъ, Процентовъ, дьяволовъ. Свое имя назвать-то стыдно, — онъ и выдумываетъ. Процентъ! Чисто собака. А къ Катечкѣ своей сопливой пойдетъ, такъ ужъ, конечно, Васечкой велить себя звать: Васечка, душечка! А онъ ей: Катечка, ангелочекъ! Знаю я, хорошъ мальчикъ. Тоже ручку позвольте поцѣловать, а какъ этой самой ручкой да тебя по харѣ! Не смѣйся, щенокъ, не смѣйся.

Павель молчалъ и тихо вздрагивалъ.

— Ну, иди, что ли, спать, тебѣ говорю! А то прогоню, Богъ святъ, прогоню! Мнѣ двухъ цѣлковыхъ не жалко, а издѣваться надъ собой я не позволю. Слышишь, раздѣвайся! Думаетъ, два рубля даль, такъ всю женщину и купилъ. Эка, царь какой выискался!

Павель медленно разстегнулъ куртку и сталъ снимать.

— Не понимаешь ты... — тихо и не глядя проронилъ онъ.

— Вотъ какъ! — злобно крикнула женщина. — Такая дура, что ничего и понять не могу! А если я къ тебѣ подойду, да по харѣ дамъ?

Изъ-за перегородки хриплый и разраженный басъ грозно окрикнулъ:

— Машка опять, сатана, за свое взялась? Не колобродь, а то живо у меня!..

— Тише ты, дрянъ! — прошептала Павелъ, блѣднѣя.

— Я дрянъ? — сипѣла женщина, приподнимаясь.

— Ну, ладно, ладно! ложись! — примирительно сказалъ Павелъ, не сводя говорящихъ глазъ съ ея голаго тѣла. — Я сейчасъ, сейчасъ... .

— Я дрянъ? — повторяла женщина, и задыхалась, и брызгала слюною.

— Ну, будетъ, будетъ! — упрасивалъ Павелъ. Пальцы его дрожали и не находили пуговицъ; онъ видѣлъ только тѣло — то страшное и непонятное въ своей власти тѣло женщины, которое онъ видѣлъ въ жгучихъ сновидѣнiяхъ своихъ, которое было отвратительно до страстнаго желанiя топтать его ногами и обаятельно, какъ вода въ лужѣ для жаждущаго. — Ну, будетъ! — повторилъ онъ. — Я пошутить... .

— Убирайся вонъ! — рѣшительно заявила женщина, отмахиваясь рукою. — Вонъ! Вонъ! Щенокъ!

Они встрѣтились взорами, и взоры ихъ пылали открытой ненависью, такой жгучей, такой глубокой, такъ полно исчерпывающей ихъ больныя души, какъ будто не въ случайной встрѣчѣ сошлись они, а всю жизнь были врагами, всю жизнь искали другъ друга, и нашли — и въ дикой радости боятся повѣрить

себѣ, что нашли. И Павлу стало страшно. Онъ опустилъ глаза и пролепеталъ :

— Послушай же, Манечка! Пойми же, наконецъ! . . .

— Ага! — обрадовалась женщина, оскаливъ широкіе, бѣлые зубы. — Ага! Теперь Манечка стала! Вонъ! Вонъ!

Она соскочила съ постели и, шатаясь, показывая Павлу свой толстый, волосатый затылокъ, начала поднимать его куртку.

— Вонъ! Вонъ!

— Слышишь ты, дьяволь! — крикнулъ бѣшено Павелъ.

И тутъ произошло что-то неожиданное и дикое: пьяная и полуголая женщина, красная отъ гнѣва, бросила куртку, размахнулась и ударила Павла по щекѣ. Павелъ схватилъ ее за рубашку, разорвалъ, и оба они клубкомъ покатались по полу. Они катались, сшибая стулья и волоча за собою сдернутое одѣяло, и казались страннымъ и слитнымъ существомъ, у котораго были четыре руки и четыре ноги, бѣшено цѣплявшіяся и душившія другъ друга. Острые ногти царапали лицо Павла и вдавливались въ глаза; одну секунду онъ видѣлъ надъ собой разъяренное лицо съ дикими глазами, и оно было красно, какъ кровь; и со всею силою онъ сжималъ чье-то горло. Въ слѣдующую секунду онъ оторвался отъ женщины и вскочилъ на ноги.

— Собака! — крикнулъ онъ, вытирая окровавленное лицо. А въ дверь уже ломались, и кто-то вопилъ :

— Отворите! Дьяволы, анафемы!

Но женщина опять сзади накинута на Павла сбила его съ ногъ, и они снова завертѣлись и закружились по полу, молча, задыхаясь, безсильные, кричать отъ бѣшеной ярости. Они поднялись, упали и опять поднялись. Павелъ повалилъ женщину на столъ, и подъ тяжелымъ тѣломъ ея хрустнула тарелка, а возлѣ руки Павла звякнулъ длинный ножъ, облѣпленный хлѣбнымъ мякишемъ. Лѣвою рукою Павелъ схватилъ его, едва удержалъ и бокомъ куда-то сунулъ. И тонкое лезвіе согнулось. Онъ вторично сунулъ ножъ, и руки женщины дрогнули и сразу обмякли, какъ тряпки. Почти выбросивъ глаза изъ орбитъ, она закричала въ лицо Павлу хрипло и пронизительно, все время на одной нотѣ, какъ кричатъ животныя, когда ихъ убиваютъ :

— А-а-а-а!

— Молчи! — прохрипѣлъ Павелъ, и еще разъ сунулъ куда-то ножъ, и еще. При каждомъ ударѣ женщина дергалась, какъ игрушечный клоунъ на ниткѣ, и шире открывала ротъ съ широкими бѣлыми зубами, среди которыхъ вздувались пузырьки кровавой пѣны. Она уже молчала, но Павлу все еще слышался ея пронзительный, ужасный вой, и онъ хрипѣлъ:

— Молчи!

И, переложивъ ножъ изъ лѣвой руки, мокрой и скользкой, въ правую, ударилъ сверху разъ, и еще разъ.

— Молчи!

Тѣло грузно свалилось со стола и глухо стукнулось волосатымъ затылкомъ. Павелъ наклонился и посмотрѣлъ на него: голый плоскій животъ еще

вздымаяся и Павелъ ткнулъ въ него ножомъ, какъ въ пузырь, изъ котораго нужно выпустить воздухъ. Потомъ Павелъ выпрямился и, съ ножомъ въ рукѣ, весь красный, какъ мясникъ, съ разорванною въ дракѣ губою, обернулся къ двери.

Онъ смутно ожидать крика, шума, бѣшеныхъ возгласовъ, гнѣва и мести, и странное безмолвіе поразило его. Ни звука не было, ни вздоха, ни шороха. Въ часахъ качался маятникъ, и не было слышно его движенія; съ острія ножа спадали на полъ густыя капли крови — и онѣ должны били звучать, и не звучали. Какъ будто внезапно оборвались и умерли всѣ звуки въ мірѣ и всѣ его живые голоса. И что-то загадочное и страшное происходило съ закрытою дверью. Она безмолвно надувалась, какъ только что проколотый животъ, дрожала въ безмолвной агоніи и опадала. И снова надувалась она, опадала съ замирающей дрожью, и съ каждымъ разомъ темная щель сверху становилась шире и зловѣщѣе,

Непостижимый ужасъ былъ въ этомъ нѣмомъ и грозномъ натискѣ, ужасъ и страшная сила, будто весь чуждый, непонятный и злой міръ безмолвно и бѣшено ломился въ тонкія двери.

Торопливо и сосредоточенно Павелъ отбросилъ съ груди липкія лохмотья рубашки и ударилъ себя ножомъ въ бокъ, противъ сердца. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ еще на ногахъ и большими, блестящими глазами смотрѣлъ на судорожно вздувавшуюся дверь. Потомъ онъ согнулся, присѣлъ на корточки, какъ для чехарды, и повалился. . .

Въ ту ночь, до самаго разсвѣта, задыхался въ свинцовомъ туманѣ холодный городъ. Безлюдны и молчаливы были его глубокія улицы, и въ саду, опустошенномъ осенью, тихо умирали на сломанныхъ стебляхъ одинокіе, печальные цвѣты.

Августъ, 1902 г.

РОССИЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

СОФІЯ, УЛ. 11 АВГУСТА, 4.

Телегр. адр.: Софія Рубокнига.

ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ:

- П. Н. Милюковъ.** „ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“. Въ четырехъ частяхъ (Печат.).
- Петръ Струве.** „РАЗМЫШЛЕНІЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“. (Пост. въ продажу).
- К. Н. Соколовъ.** «ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.» (Печат.)
- В. В. Шульгинъ.** „1920 г.“ Очерки. (Печат.).
- Кн. Евг. Н. Трубецкой.** ВОСПОМИНАНІЯ. (Печат.)
- „РУССКІЕ СБОРНИКИ“ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Книги первая и вторая пост. въ продажу. Книга третья печатается.
- „РУССКАЯ МЫСЛЬ“. Ежемѣсячное литературно-политическое изданіе подъ редакціей Петра Струве.

ОТДѢЛЪ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЙ:

- Митрополитъ Антоній.** (Храповицкій). «СЛОВАРЬ КЪ ТВОРЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО». (Печат.)
- Петръ Струве.** «СТАТЬИ О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ». (Пост. въ продажу).
- С. Булгаковъ.** «НА ПИРУ БОГОВЪ». (Пост. въ продажу).
- Кн. Н. С. Трубецкой.** «ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО». (Пост. въ продажу).

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТ.-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ:

- Ал. Блокъ** „ДВѢНАДЦАТЬ“, съ предисловіемъ П. Сувчинскаго (Пост. въ продажу).
- Ал. Блокъ.** «РОЗА И КРЕСТЪ» (Печат.).
- И. Эренбургъ.** «ЛИКЪ ВОЙНЫ» (Во Франціи). (Пост. въ продажу).
- Ю. Никольскій.** «ТУРГЕНЕВЪ И ДОСТОЕВСКІЙ». (Исторія одной вражды). (Пост. въ продажу).
- Е. Н. Чириковъ.** «СКАЗКА ПРО МИЛЬДУ И ЗОЙЛУ». (Печат.).
- Г. Д. Уэльсъ.** „РОССІЯ ВО МГЛѢ“. Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ Кн. Н. С. Трубецкаго. (Пост. въ продажу).
- Русская лирика.** СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ XVIII—XIX вѣка (печат.). «СБОРНИКЪ ВТОРОЙ XIX—XX вѣка (печат.).

ОТДѢЛЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ:

Гербертъ Кэссонъ. «16 АКСІОМЪ ДѢЛОВОГО
ЧЕЛОВѢКА». (Пост. въ продажу).

ОТДѢЛЪ ДѢТСКИХЪ КНИГЪ:

Русскія сказки для дѣтей съ иллюстраціями въ
текстѣ.

„НОРКА ЗВѢРЬ“ (пост. въ продажу).

„ТРИ МЕДВѢДЯ“ (пост. въ продажу).

«СЛОНИКЪ МОКА И МИШУКЪ» (печат.).

«ПОБАСЕНКА О СТРОПТИВОЙ КОЗѢ» съ рисун-
ками В Бобрицкаго. (Гот. къ печати).
